

18+

Любовь Сушко

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРИЗРАК

Городские мифы

Любовь Сушко

**Мой любимый призрак.
Городские мифы**

«Издательские решения»

Сушко Л.

Мой любимый призрак. Городские мифы / Л. Сушко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-534551-6

Два мужчины и одна женщина, обычная ситуация, если бы оба они уже не оставили этот мир и не вернулись назад, чтобы выяснить свои отношения с любимой женщиной. Но жизнь продолжается, творятся подвиги, а чаще преступления, и героям не остается времени на личное, надо разобраться и помочь близким, а время безбожно тает, успеют ли они сказать о самом главном — о том, как они любят ее и как им ее не хватает. И кого выберет она теперь?

ISBN 978-5-00-534551-6

© Сушко Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог к роману	6
Глава 1 Души на небесах	8
Глава 2 На Омской земле	14
Глава 3 Пленники иллюзий.. Тайна Незнакомки	17
Глава 4 Полночь приближалась	19
Глава 5 Закружились бесы разны Прошлое	22
Часть 1 Найти и вернуть	25
Глава 1 А вот и земля	25
Глава 2 Прошлое или настоящее?	27
Глава 3 Ну, здравствуй этот свет	29
Глава 4 Возвращаются все	31
Глава 5 Омские ангелы так беспричинно печальны	33
Глава 6 Большие перемены	36
Глава 7 Возвращаются все	38
Глава 8 Тот и этот мир	42
Глава 9 Сын любимого мужчины	45
Глава 10 В объятьях прошлого	48
Глава 11 Послевкусие	51
Глава 12 Причуды творчества	54
Глава 13 Между прошлым и будущим	58
Глава 14 Тайное свидание	60
Глава 15 Портрет Царевны	63
Глава 16 Огни Малибу	66
Глава 17 Вечер в Малибу и не только	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Мой любимый призрак Городские мифы

Любовь Сушко

© Любовь Сушко, 2024

ISBN 978-5-0053-4551-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любовь Сушко

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРИЗРАК

ДАН ПРИКАЗ ВЛЮБИТЬСЯ

Пролог к роману

И вот когда роман на середине,
И хочется забыть иные чувства,
Влюбленный призрак этот мир покинет
И явит мне реальность и искусство,
Художника забытая картина,
Заложника звенит немая грусть,
И призрачный, забытый мной, мужчина
Пусть явится, и пусть тревожит путь,

Который мы проделали когда-то,
Зашли в тупик, и Минотавр сожрал
Былые думы, это как расплата
За те события и страстей накал.
И я его тогда похоронила,
И усмирила свой печальный пыл,
Забыла? Ну конечно, не забыла,
Но он далек и недоступен был

И вот теперь тот мрамор рассекая,
И покидая свой печальный склеп,
Врывается, да кто же ты такая,
Зачем к тебе стремился столько лет?
Скелет в шкафу? Да нет, о нем известно,
Все знают ту печальную любовь,
Женою там не ставшая невеста,
Несет всю жизнь в душе тоску и боль.

Но если угораздило влюбиться,
И разорвать порочный этот круг,
Тогда роман отчаянный случится,
Среди потерь, ненастий и разлук.
И мой любимый призрак будет рядом,
Чтобы опять напомнить о былом,
Не надо, я прошу тебя, не надо
Врываться в душу, в рукописи, в дом.

Но кто меня послушает? Не верю,
Мечусь в метели, маюсь, но могу
Пройти тот лабиринт, раскрыть те двери,
В объятиях застыть на берегу.
На набережной, рядом с адмиралом,
В момент признаний, канет он во тьму,
О, как же долго я роман писала,
И что же будет дальше? Не пойму.

И что же будет дальше? Я не знаю.
Загадывать не стоит, даль туманна,
Боль саксофона, и душа взлетает,
И мечется над бездной неустанно.
Любимый призрак рядом с адмиралом,
Немая боль мне не дает уснуть.
Живой, любимый, яркий, не пристало
Его терять, о воздуха б вдохнуть...

И дальше жить

Глава 1 Души на небесах

Странный свет ослепил и заставил остановиться. Эльдар, а среди местной братии его звали исключительно Эль, остановился и замер, не в силах двинуться дальше. Было отчего замереть, да что там окаменеть, превратиться в статую, прекрасную статую в белой безбрежности.

Как он мог тут оказаться? Кто и что его сюда забросило из того самого рая, ну пусть Пекла, где он собирался оставаться среди прекрасных дев и демонов, а почему бы и нет – заслужил, вот и исполнили все, что было обещано. За ним же пришел Аз – дух безводной пустыни – все правильно. То есть начиналось правильно, а что теперь? Здесь на этом свете ничего не может перевернуться, измениться, здесь время не течет, он же знал это, всегда знал. Покой-то он точно заслужил, если не заслужил счастье. Эль пытался вспомнить, откуда он знает все это? Но тот самый демон все стер из его памяти и поработал основательно. Да и прав он, для чего лишний груз воспоминаний, если все ушло безвозвратно. Пока я помню, я вечен, – сказал один поэт, но вот вечности ему и задаром не надо. Хватит, отлюбил, отболело, бурьяном все поросло.

Из невеселых размышлений вырвал странный голос, такой скрипучий и противный, век бы его не слышать. Но наш герой не был лишен слуха и все прекрасно слышал:

– Тебя срочно вызвали сюда, – заявил какой-то совсем другой бес, – а так как твой Рыжий проиграл тебя в кости, то ему ничего не оставалось, как только исполнить мое желание, мы играли на желание, – пояснил словоохотливый бес явно славянского происхождения. Это открытие сильно задело Эля, хотя его давно ничего не волновало. Волнения остались там, на земле, когда он рухнул на пыльный ковер за смертью.

Это заставило Эля снова замереть с открытым ртом, потому что такого поворота трудно было ожидать.

– Как это играли, проиграли, что тут такое творится вообще? Боевого офицера в кости проиграли? Я не ослышался? Да может ли такое вообще быть в этом мире?

– Не в этом, а в том, – уточнил Рыжий, и усмешка скользнула по его кривоватым узким губам.

– Да какая разница на каком, – стал заводиться Эль, это словоблудие возбуждало его все сильнее и сильнее.

– Не кипятись, я знаю, что твоя милицейская карьера начиналась в казино, ну ты же спец по карманным кражам, и прочим мошенникам ты был в самом начале там на службе, не так ли. Вот как говорится, круг и замкнулся. В мире нет ничего нового.

То ли бес шутил, то ли говорил серьезно, интересно, они вообще могут говорить серьезно? А шутки какие-то странные и неудачные получаются.

– А почему мы с тобой на небесах? – удивился Эль, в нем проснулся полицейский, – ну я – то ладно, может и заслужил, а ты? Тебе же нет сюда ходу, насколько я помню, или что-то переменялось за это время.

И он почувствовал, что обрывки памяти и правда, возвращаются. К чему бы это или зелье действует только в его раю, а на чужой не распространяется?

Допрос Пана не смутил вовсе.

– А я часто тут бываю, ты бы поменьше сказочек на земле слушал, так знал бы все мироустройство лучше, – огрызнулся Пан или как он там себя назвал. – Сидел бы в своем параллельном раю и девиц развлекал. Но тебя же все время не туда бросало. Фауста явно не читал, а там все прописано. Так мало того, вот угораздило славянок любить или просто использовать. Вот они теперь нам покоя и не дают. Подавай им Эльдара в целостности и сохранности и все, живого или мертвого, но давай. А кто виноват? Ну, если не в полной сохранности, то хотя бы вот

такого, бестелесного. Хоть одним глазком на тебя взглянуть хотят. Вот и бегаем, суетимся, все копыта уже посбивали, в кости играть приходится, хитрить, выворачиваться, чтобы желания исполнить. Я и так долго отговаривался, да что толку, все равно рано или поздно исполнять все надо.

Ничего ответить Эль не успел, хотя за словом в карман обычно не лез. В тот момент огромные прозрачные двери распахнулись, и Пан подтолкнул его в какую-то залу огромную и прозрачную. Тут должна была обитать Снежная королева из знаменитой сказки, не иначе. Сказку он помнил хорошо. И тоже благодаря ей, той самой славянке, о которой говорил ему Пан мимоходом.

– И тут ты только про королев думаешь, – ворчал за спиной бес.

И уже не тот самый неуклюжий бес Пан, перед ним стоял какой-то Ангел с мечом. Такого Эль видел в окнах витражей то ли в Риме, то ли в Париже, куда его чуть ли не в последний год забросила судьба, исключительно по делам, отдыхать настоящий полковник не любил, да и не мог совсем, что его и сгубило очень быстро. Выражение «сгорел на работе» было применимо к нему в полной мере, причем в прямом, а не в переносном смысле. Внезапно, мгновенно и очень рано он сгорел. Никаких долгих прощаний и слез, все случилось стремительно.

2.

Вот этот самый грозный с Мечом Михаил и стоял перед ним теперь, жестом приказав подойти ближе.

– Доставил в целости, – услышали они голос Пана за спиной, – каким он был, таким и остался.

– Да вижу, что пока в целости, – повернулся к нему Меченосец.

Странные их разговоры все меньше нравились Элю, ему хотелось что-то сказать в ответ, но он решил не будить Лихо, пока оно тихо. Ему ли не знать, что дальше будет хуже, а если он еще вмешается.

Повисло какое-то странное молчание в этом прозрачном зале.

Эль хотел спросить, почему это пока, и что с ним еще после смерти может такое случиться, но промолчал, понимая, что с этим типом явно в генеральском звании на этом свете, не стоит так говорить. Он ответит так, что мало не покажется. Но как же неудобно тут было, как на ковре у генерала в самый последний день его пребывания на земле. Если бы знать, что день был последним. Ведь на самом деле ничего не предвещало беды.

Вот так и стоишь, словно голый, из всей одежды на тебе только именные часы, и не знаешь, куда руки девать с теми самыми часами. Хорошо, что все они тут мужского пола, хотя на самом деле пол уже не имеет никакого значения. В этом он, страстный и любвеобильный азиат, убедился сразу, как только соизволил тут появиться. И горечь разочарования становилась только сильнее с каждым разом, с каждым днем, хотя какие там дни, время тут не текло вовсе.

В тот момент Эль повернулся к зеркальному отражению, и не узнал себя. Что тут за зеркала такие странные.

Нет, все вроде правильно на первый взгляд, там был архангел Михаил, Пан за его спиной – на этом свете они отражались в зеркалах, не то, что на том, всех четко видно. И еще отражался в зеркале какой-то мужик, которого он смутно помнил, где-то видел, но это был явно не он. Откуда тут взялся чужой мужик, и почему нет его самого? И странный холодок прокатился в его душе, тревога только нарастала. Угрозы были не напрасными, целым он отсюда точно не вернется, если при первом появлении смог так перемениться. В том, что это был он, Эль понял только с пятой попытки, логически рассуждая – здесь больше никого не было – значит это он.

Они с интересом за ним наблюдали, вот гады такие, привыкли издеваться над людьми.

– Не возмущайся, мы немного изменили тебя для дела, так нужно, – шептал ему Пан, потому что Михаил явно не опустится до таких объяснений, а ясность надо было внести обязательно.

– Зачем вы меня изменили, и чья это внешность? – так же тихо вел свой допрос Эль.

И настроен он был серьезно, даже если бы сам Бог стоял перед ним, а не его генералы. Тем более бог был чужим, а с чужаками нечего церемониться.

– Короля Сиама, – выпалил тот, – вернее, китайского актера, который играл его, из тебя сделали. Не помню как там его фамилия, но это точно он. Я смотрел вместе с Лизой этот фильм. Она его смотрит часто, хотя ей нужен не тот самый король, а ты, – пояснил Пан, – просто она считает, что ты очень похож на него, и так ей проще переносить вечную разлуку. Ведь она уверена, что и после смерти вам не быть вместе и даже не встретиться. Значит, разлука будет точно вечной.

Пан сразу заметил, что Эль отреагировал на имя, но ни о чем больше подумать не успел, потому что Михаил к ним обратился снова, дав бесу объяснить самое главное. Для того тот тут и был, собственно, чтобы объяснить, терпеливо и точно отвечать на вопросы.

– Ты свободен, остальное я сам ему все объясню, – вдруг резко произнес Архангел и махнул рукой, повелевая Пану исчезнуть в прямом, а не переносном смысле.

Пан растворился в воздухе, как и положено бесу любых страстей и мастей. Эль остался с чужим архангелом, вид которого был грозен, остался один на один. Вот ведь угораздило вляпаться. На земле бы он себе ничего такого не позволил сроду, но где она, та земля. Хотя предчувствия ему подсказывали, что скоро именно там он и окажется. Стоило только вспомнить, она и появится.

– И что от меня требуется, – не выдержал он и не стал ждать, пока тот заговорит первым.

– Да ничего особенного, но по нашим меркам нужно отвечать за всех, кого приручил на земле. Это у вас мусульман другие правила, только ты жил среди славян, так что не отрецивайся. А ведь мулла тебе говорил, как опасно с иноверцами оставаться, но ты не послушался. Наверное, зря не послушался, но что теперь сокрушаться.

– За всех? – словно эхо переспросил Эль, и голова слегка закружилась.

И сразу было понятно, что много за кого ему придется отвечать. Да и что в том удивительно, красавец полковник был любим всеми, с кем ему приходилось сталкиваться. Он умел найти подход к любому, потому что оставался в чужом мире, да и просто был так воспитан.

Архангел тем временем сменил гнев на милость.

– Ну за одну точно ответить придется, потому что потеряла она сон и покой, а у нее там очень важная работа должна быть закончена, в то время, как мы ждем ее тут, и давно ждем. Вот и отправляйся в путь без промедления. Не думаю, что теперь тебе там понравится, потому что ты все сделаешь быстро, чтобы поскорее вернуться и не сожалеть о том, чего не может быть.

От волнения Эль не следил особо за тем, что говорилось, а говорилось довольно витиевато и путано, словно Архангел сам себя с иностранного языка переводил в сети, врубив переводчик. Специально ли он делал это, издеваясь над полковником, или по-другому не умел, это не ясно и неведомо нам будет.

– И что делать-то, и она вероятно, старушка, если я ее тогда и там соблазнил, – растерянно произнес Эль.

Ему бы сейчас так пригодился Пан, но того давно не было рядом, значит придется добираться до сути самому. Хотя имя Елизаветы он назвал, хорошо, что это была не знаменитая императрица, которую так любил Пушкин, а то бы туго ему пришлось. На его памяти было три девушки и дамы с таким именем. Интересно, какая из них. Хотя он смутно догадывался, о ком идет речь.

Интересно, откуда он мог знать про императрицу и поэта? Плохо, когда одно помнишь, а другое нет и спросить не у кого.

– Ну, ты добрый молодец, смог смотаться к нам раньше срока, и теперь тебя старушки пугают. А раньше ты в этих самых старушек влюблялся и ничего, как там у вашего поэта – то написано – Нам девчонки как прежде нравятся, мы старух любить не хотим. Приказано полюбить, только так она сделает все, что требуется, а мы заберем ее сюда, а ты отправишься к своим девам и пирам своим. Другого варианта нет все равно. Все ясно?

И взглянул он так грозно, что Элю оставалось только кинуть в ответ.

– Так иди и действуй, и без Лизы сюда не возвращайся, полковник, настоящий полковник. Горе с вами, рядовые хотя бы не выеживаются так.

Он напомнил ему о прошлом. И не таким он молодым там был, как хотел казаться, полковников дают после 40-ка. Просто отвык от того возраста к 25 навсегда привык, вот и все.

3.

Но в 40 лет и дальше, он был неудачно женат, растил двух сыновей, глаза бы на них не смотрели, и уже не успевал бегать за девицами. Погоны слишком жали плечи, а ведь на этой службе один неверный шаг и лишился бы тех самых погон, ради них и свобода, и любовь были на алтарь власти брошены. А что в итоге? Инсульт на работе, от которого он так и не пришел в себя и не вернулся к жизни. Упал перед генералом, хотя там ничего такого и не было, просто нужно было доложить о важном, но не раскрытом деле, вот и не выдержала душа полковника. В один миг все пропало, и свет погас. Он долго не мог понять, что умер, сопротивлялся, не хотел этого признавать, но возврата туда больше не было.

А может быть и не пришел, и не вернулся, потому что и возвращаться-то было некуда и не к кому? И Лиза куда-то пропала с той самой поры. Кажется, тогда ее в городе не было. Потому что, когда он ее звал, она не отзывалась, но она не могла не откликнуться на его зов, не могла, а не откликнулась. Такие вот странные вещи стали происходить в ту пору, когда власть была сильнее страсти, а страсть погасла, как костер на снегу..

И, наверное, никакая сила бы не заставила его туда вернуться теперь, если бы не этот парень с мечом, который распластает тебя на две части, глазом не моргнув. Хотя у него давно нет тела, гибкого как у пантеры, прекрасно сложенного тела, которое она так любила и которым так гордился сам красавец полковник. Но все равно не хочется терять ту оболочку, которая была здесь и теперь, пока от него хоть что-то оставалось, была и надежда, туманная надежда, непонятно на что, правда, но была. Теперь не оставалось и ее, и как ему жить дальше? Хотя слово жить не отражает сути того, что здесь происходит, но все-таки.

Он простонал, вспомнив, что теперь похож на короля Сиамы, которого играет какой-то китаец. И зачем только Лиза такое устроила. Ну да, она не могла показать его фотографии миру, но казаха бы какого-нибудь выбрала, зачем ему было превращаться в китайца? Что за причуды бывают у любящих и влюбленных женщин, которые никогда не станут вашими женами.

– Не какой-то, а знаменитый, и он краше тебя будет, – услышал Эль голос Пана за спиной, – так что тебе повезло еще, бывают превращения и похуже, тут чего только не насмотришься. Был бы Квазимодо, если бы она отомстить захотела, вот тогда бы поплясал.

Хорошо, что черт снова был тут. Можно поговорить, хоть что-то обсудить с ним, а то совсем все кошмаром показалось. И самое страшное, что от тебя больше ничего не зависит.

– Приказы не обсуждаются, а исполняются, – отчеканил Пан, явно передразнивая кого-то, а может, напоминал о его прошлом.

Эль подумал о том, что тот может читать его мысли, значит надо быть осторожнее. Хотя так и проще, можно не произносить слова вслух. А делом это было довольно утомительным на земле, а на небесах и вовсе трудно одолжимым.

– Отправляйся на землю, найди Лизу, напомни о себе. Безответная любовь заставит ее засесть за работу, сделать книгу как можно скорее, и отправиться в вечный дом. На самом деле все просто. Не понимаю, чего ты так паникуешь. У тебя есть еще один шанс, еще одна возможность, считай, что тебе крупно повезло на этот раз.

– С ней и тогда было не просто, а теперь? – попробовал отговориться Эль. Он устыдился того, что бес заметил его чувства. Не было такого скрытного человека в этом, вернее, в том мире, и вдруг он так много сказал, даже самому дико стало.

– Тем более, ты хоть что-то сможешь поправить, и это вполнину уменьшит твои грехи, облегчит душу, она снова станет крылатой, а то вон едва плетешься, смотри, как порхают другие.

Ему хотелось крикнуть, что никуда он лететь не хочет и не полетит. Но ему послышалось, или бес произнес знаменитую фразу о том, что если не хочешь, то заставят, и глупо спорить, а потом все равно исполнить то, что требуется.

– Заставим, – отвечал спокойно тот.

Так что спорить не было никакого смысла, да и желания тоже, он был человеком дела. Но на прощание спросил все-таки, не удержался:

– А почему этот король? Мне хотелось бы знать заранее, почему она меня в китайца превратила? Ты уж потрудись объяснить.

– Она считает, что ты на него похож, а так как тебя называть она не могла, то только и осталось королем сделать. Ну там рассказы, стихи, тебе посвященные. Там еще Тамерлан есть, так что выбирай, что тебе ближе, хотя скажу по секрету, что тот не был таким красавчиком, а еще и хромым был.

Так все встало на свои места. Встало. Было бы чему вставать. Да они просто издеваются над ним, понимая, что теперь больше он ничего не может, только следить за ней издалека и может быть каким-то образом на нее повлиять. А ведь сейчас как никогда прежде, ему хотелось большего, значительно большего. Черт бы их всех там побрал. И почему он? Неужели у нее не было других любовников?

Но надо торопиться... Сделать все, что требуется, и вернуться назад в свои сады прекрасные к своим девам, таким же бесплотным. Они лишнего требовать не станут. Лиза же жива, пока еще жива, и значит, ей захочется самого главного. То, на что он теперь не способен.

Пан только усмехнулся, глядя на него. Эль забыл, что он мог слышать все его размышления. Но не собирался стыдиться своих чувств.

– Я был у нее первым, – буркнул он

– И лучшим, – отметил тот, проявляя чудовищную осведомленность.

Лучше бы он этого не говорил вовсе. Но попробуй ему объяснить, что он должен говорить, а чего не должен.

– Приказано влюбиться и заставить полюбить.

Облака стали какими-то мягкими, или это он так отяжелел, что начал проваливаться и провалился наконец. Туда, на землю, вот как все может измениться в один миг.

4.

Как только Эль исчез, словно его корова языком слизала, перед Паном появился высокий худой то ли юноша, то ли муж взрослый. Такие на том и на этом свете остаются вечно молодыми до самой старости.

Он пристально смотрел на черта, словно бы тот ему что-то обещал и не исполнил своего обещания.

– Я тебе ничего не должен, Алекс.

– Но я же рассказывал тебе свою историю, я просил тебя отправить меня вместо него, это был мой последний шанс, а ему плевать, он даже отправляться туда не слишком хотел, а для меня это вопрос жизни и смерти.

– Жизни и смерти, – словно эхо, повторил Пан, – только в беседе с ним, я понял, что он ее любил по настоящему, что это была любовь всей его жизни, других женщин у него не было, любимых женщин, а все остальные не в счет. И причина жениться на другой у него была более веская, он не хотел, чтобы на нее обрушилось все то, что случается в таких браках, а ты же просто выбрал более простой и удобный вариант. Правильно, выбрал, ничего не скажу, но ты не любил ее так, я понял это точно после долгих размышлений.

– А может быть, я тоже ее спас от того кошмара, в котором бы она оказалась на целый год. Пан рассмеялся, как этот профессор выкрутиться хотел.

– Но ты понятия не имел о болезни, когда предал ее.

– Он тоже предал.

– Но предательство тоже бывает разное, хотя об этом тебе не я должен рассказывать а Сат, его с легкой руки Мастера вы называете господином В.

Алекс впал в страшное уныние, когда понял, что ничего у него не выйдет. Он не сможет там оказаться.

– Ты можешь ей присниться, у тебя в лимите три сна, и может быть, она поверит в то, что ты ей там скажешь. Кстати, сон это даже лучше, чем вторжение призрака в мир живых. Только те, кого они любят так беззаветно, могут там побывать в этой роли, остальным не стоит и начинать.

И только когда он удалился, Пан решил, что возможно у Алекса будет еще такая возможность, ведь неизвестно как поведет себя настоящий полковник и сможет ли он там сделать хоть что-то, чтобы уладить все дела на земле.

Глава 2 На Омской земле

Я просто немного устала...

Ну вот и закончился праздник.
И хватит других веселить,
И ветер, хитрец и проказник,
забившись, так сладостно спит.
И только шуту все не спится,
и бродит по городу он,
И помнит красивые лица,
и маски минувших времен.

А как они там обитают,
и с кем веселиться не прочь.
Когда в полумраке стихает,
внезапно закончившись, ночь.
Когда тишина пониманья
не трогает больше души,
И только художник вниманья
его удостоил в тиши.

И только в порывах оркестра,
все музыка где-то слышна.
И плачет чужая невеста,
у темного скрывшись окна.
И кто-то в экстазе скривится,
а кто-то опять торжествует.
Ну, вот и вспорхнула вдруг птица.
А он этот мир нарисует.

Напишет шута и дорогу.
И хлынет на город рассвет,
Все грустно, бессильно, убого,
и в маске спасения нет.
И кажется, нет оправданья,
за то, что во мраке случится.
Опять искажают страданья
под масками скрытые лица.

О том, как художник написал портрет шута в маске, и кто потом появился в реальности. Бойтесь своих желаний, они сбываются.

Эта дивная история, у которой нет начала и конца уж точно нет, началась в погожий сентябрьский денек, когда знаменитый художник начала писать портрет шута. Что это на него вдруг нашло? А кто его знает. Художники люди непредсказуемые, захотелось и начал писать, все остальные картины забросив, с вдохновением сильно не поспоришь.

Вот забросил он всех своих красавиц и чудовищ (а красавицы были великолепны, а чудовища страшны), да и начал писать сначала раму в раме, проем из желтых кирпичей. Но тут он был еще вполне силен и диктовал свои условия, и кисть слушалась его, и мысль была легка и покорна. Но как только возникла эта внутренняя рама, страшно сузившая пространство, так все и началось – темное пространство, полоска Луны, не Месяц даже, а только какая-то именно полоска, тень звезд на черном небе – как же все мрачно – то вырисовывалось.

Но не все было так безнадежно, потому что большую часть ночь закрыл цветной зонтик, разноцветный зонтик, правда сверху он был таким же черным, как и небо, а снизу желто-оранжевым. И перед тем самым зонтиком, склонив голову набок, сидел рыжий шут в маске, а алом костюме, грустный клоун, хотя и рыжий. Такие вот странности. Всем известно, что рыжие не бывают грустными, а грустные рыжими. Но тут как-то все сошлось в этом самом проеме. Да и художник слыл оригиналом всегда, он даже и не думал о том, что бывает, а чего не бывает.

Почему грустный? Потому что, говорят, что люди способные смешить других, остаются самыми грустными на свете, стоит только сбежать от толпы, убраться с арены, и оказаться где-то в одиночестве, под черным небом, где от луны осталась одна только полоска.

Работалось художнику легко, несмотря на ту грусть, которая исходила от полотна. Так бывает, веселое задорное что-то тормозиться, а вот над такими клоунами с осенью в душе работается легко и просто. И все-таки клоун был рыжим, а значит позитивным, но что же тогда с ним было не так?

Когда Мастер дописал погасший разбитый фонарь в правой, опущенной вниз руке, он просто размахисто начертил внизу «Разбитые мечты». Замер на мгновение, оценивая работу, словно бы он только что зашел в мастерскую к другу и увидел это полотно, а не сам его писал, без передышки несколько часов, чтобы подарить любимой девушке, очень любившей реального грустного шута Леонида Енгибарова, правда, тот был совсем другим. Но может быть чувство ревности к мертвому шуту заставило написать его таким, практически неузнаваемым.

Ревность, страсть, лирика, но разве только это руководило его чувствами? Нет, он писал что-то совсем иное, и любимая девушка не могла так влиять на то, что творилось.

– Ну что, друг мой верный, и правда, не слишком весело в подлунном мире, а говорят, что будет еще хуже, – говорил живописец.

Он и раньше беседовал с героями своих картин, и теперь не удержался. Клоун сразу же стал его другом, старым другом, с которым не один пуд соли был съеден.

– Хуже некуда, – ответил какой-то голос рядом, словно бы говорил грустный шут с его картины.

Но художник не верил ни в какие штучки, типа говорящих котов, оживших героев его полотна. И все-таки голос звучал так ясно, наверное, нельзя так много работать, надо устроить себе передышку. А то вот так голоса разные звучат.

– Будет хуже, – повторил он и прислушался.

– И что это у вас, чего не хватишься, ничего нет, и как может быть хуже.

На этот раз фраза была большая, звучала отчетливо, так, что убедить себя в том, что послышалось, он никак не мог, потому что оставался реалистом, ну пусть магическим реалистом, и все-таки.

Он положил кисточки в воду, быстро переоделся, так что стал похож на веселого юношу, сошедшего с другой своей картины, и захлопнул дверь, оставляя творение там, в Мастерской.

Давно пора отправляться домой, не может грустный клоун забирать все его время и силы... Но Мастер не сомневался, что он будет стоять перед глазами и не отпустит.

– Может, пойдет побродить по городу.

И не надо было говорить, что почти тут же он встретил на Любинском своего грустного клоуна. Нет, не шута на него похожего, а именно сошедшего с картины, в таком же костюме,

с таким же разноцветным зонтиком в руках, ну разве что не было разбитого и погасшего фонаря в руках. А клоун был точно такой, каким он его только что изобразил.

– Это ты? – выдохнул художник

– Это я, – ответил грустный шут, – мы с вами где-то встречались. Только никак не могу вспомнить, где именно.

– Он еще и издевается, – проворчал себе под нос художник.

Шут усмехнулся, но и улыбка была грустной.

Вот так и бывает, порой коты сбегают с полотна и остается только пустое место, а иногда и герои не хотят оставаться, собираются и уходят в тот тайный город, где живут призраки, ангелы и живописцы.

Глава 3 Пленники иллюзий.. Тайна Незнакомки

Ночь черным крылом закрыла половину Любинского проспекта, словно старалась отрезать его от остального мира.

Только силуэты людей и призраков появлялись то там, то тут.

Луна осветила начало проспекта, скамейку, на которой по-прежнему, несмотря на такой поздний час, сидела с раскрытой книжкой стихов девушка в бальном платье...

Наверное, от яркой луны она прикрывалась зонтиком и грустила.

Любаша, жена генерал губернатора Омской крепости, была грустна, ей хотелось отправиться туда в парк, затеряться в тенистой аллее, хоть недолго побыть в одиночестве. А вот приходилось день и ночь, что за странная причуда, сидеть на железной скамейке и ждать, ждать чего-то...

Может быть Афродиту, которая должна была воскресить ее, но это при условии, что скульптор влюбился бы в нее так, что жить без нее бы не смог и уговорил богиню оживить свою модель. Но могла ли она на такое рассчитывать? Скорее всего, нет. Судьба ее была печальна с самого начала, такой она и осталась в своем бессмертии.

Скульптор был счастлив, доволен жизнью, творческим взлетом, гордился своей веселой женой поэтессой – душой их компании. Ему не о чем было жалеть и не о чем мечтать – удача не отступала от него, наверное, родился в рубашке.

Заказ на скульптуру он принял скорее чтобы доказать своему сопернику – неудачнику, что получит его он, а не тот, кто может быть и сделал бы работу лучше, да кто же ему даст эту работу.

И он сотворил чудо, превзошел себя... Его работа стала знаком —символом города, связала воедино разные времена... Он не подумал только о грустной девушке, обреченной сидеть под дождем и холодом, грустной улыбкой встречая и провожая прохожих.

№№№№№№№№№№

Дружная толпа живописцев вывалилась из мастерской, расположенной как раз напротив знаменитой скульптуры, они остановились перед ней, каждый что-то попытался сказать:

– Бедняжка, муж вздорный старик страшно ревновал, и вот теперь такая участь, сиди и любуйся на новый мир. А тут ничего не осталось от ее времени, совсем ничего.

– Говорят, она ему не изменяла, да и теперь ей не изменить даже позы, намертво к скамейке прикована.

– Такая молодая и такая печальная, бедная, бедная Любаша.

– Но Мишель хорошо постарался, она прекрасна.

Веселье куда-то улетучилось, и творцы поспешили каждый в свою сторону, пора немного передохнуть.

Скульптор Мишель Сергеев задержался в своей мастерской. Он долго беседовал по телефону с какой-то Незнакомкой. Она просила его о чем-то. А он никак не мог понять, что собственно нужно этой даме, которую он в глаза никогда не видел. Но вечером она набирала его номер, говорила о памятнике мужу генералу, и когда он назначал ей встречу, все время уклонялась от свидания.

– Но как же я смогу исполнить заказ, если вы не видели даже эскизы? —удивлялся скульптор.

В этом месте видно села батарея в телефоне, и он с чувством исполненного долга, вырвался на Любинский, отметив, что в мастерских нет ни одной живой души, на него как-то печально взирали только скульптуры...

На этот раз стало немного жутко от этих взглядов, и он рванулся на воздух, вспомнив, что там непременно столкнется с главным своим творением – Любашей... Ему все время казалось, что она просит его о чем-то, и он даже догадывался о чем, но не хотел думать о том. Это все иллюзии, сны, фантазии, мифы о Пигмалионе.

Мишель любил живых, капризных и непокорных женщин, и не представлял себя, что слепил бы ее такой, какой хотел, а потом бы жил маялся. Мишель не мог отвечать за всех мужчин, но не сомневался, что сам он никогда не знал, чего именно хотел, даже когда это касается полотен, а что говорить о людях, да еще о женщинах, вечно изменных и непостоянных.

Нет, тут он всегда отдавался в руки судьбы – какая женщина будет, такой пусть остается.

Глава 4 Полночь приближалась

Луна блестела яростно... Наверное, древний бог Див решил ослепить его и заставить забыть обо всем, что было... А это значит. Но Мишель не успел подумать о том, что это могло значить, и дорогу перейти не успел. Навстречу ему порхнула Незнакомка. Она была так легка и прекрасна. Она именно летела к нему, несмотря на свое одеяние... А наряд, что за наряд. Неужели снимали какой-то исторический фильм. Странно, что не было съемочной группы и режиссера, и всех тех, кто должен быть на съемках, но ничего удивительного, ведь фильмы часто снимают ночью, чтобы не останавливать движение на главной улице города. А Любинский даже менять не нужно, конец 19 — начало 20 века во всей красе, бери и снимай фильм...

Но как он оказался на съемочной площадке? Какой черт его сюда толкнул?

– Отпусти меня, мой друг, – услышал он голос, от которого кругом пошла голова, – я твоя пленница, но ведь это невозможно, это такой кошмар.

– Но разве я держу тебя? – просто спросил он.

– Даже Атланту захотелось немного побыть свободным, и он пытался переложить свою ношу на плечи Гераклу, а я только слабая женщина.

Мишель, наконец, посмотрел в прекрасные печальные глаза Незнакомки. Родинка на правой щеке, ямочки, как долго он возился с ними... Но ведь он сам придумал Любашу, не было портретов, это творил он сам. Неужели в реальности была дама, которую он придумал и сотворил сначала из глины, а потом из металла?

– Пообещай мне, что ты меня отпустишь, ведь ты даже не любишь меня, так зачем же мне томиться под дождем и солнцем. Я не хочу такого бессмертия...

Никакой съемочной группы не было. Мишель оглянулся на то место, где в начале проспекта, с раскрытой книгой сидела его любимое детище. Железная скамейка была пуста. Незнакомка в старинном наряде рассмеялась звонко, словно несколько колокольчиков сразу зазвенели.

– Я так долго ждала, пока ты появишься один, без своих друзей, чтобы не наделать шуму. Я смогла на несколько минут вырваться на свидание с тобой, но мне уже пора возвращаться. Ведь я обещала вернуться.

На щеках ее появились слезы, и смех преломился в плач.

Пустая скамейка, а если она и утром останется пустой? Что будет тогда с городом и с Любинским проспектом?

– Я не в силах чего-то изменить, – бормотал Мишель.

Незнакомка в тот же миг исчезла.

Под ослепительным блеском луны он стоял один.

– Приснится же такое, – бормотал Мишель.

Мимо пронесся какой-то лихач на невероятной скорости, еще бы шаг, и он оказался бы под колесами. Но удача и на этот раз не изменила ему – он остался цел, только протрезвел окончательно. Уж не предупреждение ли это ему? Когда он перешел дорогу и медленно остановился перед скамейкой, железная Любаша в бальном платье взглянула на него с сочувствием. Он присел на скамейку.

– И что же нам делать, Любаша?

– Ничего, все обойдется, не печалься, я уже привыкла, – услышал он тот же голос рядом. Незнакомка в бальном платье за его спиной закрыла ему глаза ладошками.

Кто вы такая, откуда вы,
Ах, я смешной человек,
Просто вы дверь перепутали,

Улицу, город и век

– бормотал художник любимые строчки Окуджавы.

Ему показалось, что та, за его спиной склонилась и поцеловала его, да и это железная Любаша не скрывала сочувствия.

– Это я твой пленник, ангел мой, – пробормотал художник, – и мне не вырваться из этого плена. Но ведь не моя вина в том, что ты стала женой старика губернатора, что рано умерла, а потом родилась эта красивая легенда о любви и печали. Люди в любые времена любят такие легенды, и мне придется трудиться, чтобы они жили в этом мире, а тебе напоминать им о вечном и прекрасном...

Мишель очнулся, он по-прежнему сидел на железной скамейке перед своей скульптурой. Давно надо было отправиться домой. Ночь откровений закончилось.

– Пошли, я провожу тебя, – шепнула Незнаком, – раз уж я сама назначила тебе свидание, какая непростительная дерзость.

Они дошли до набережной Иртыша, до его дома. Он простился и торопливо ушел домой. Дева в старинном бальном наряде еще стояла на набережной и смотрела в темные воды Иртыша.

Это был ее город, и ее мир... Она хранила его, и будет хранить вечно...

А плен, да что плен, все мы пленники любви, власти, страсти...

И никуда от этого плена не сбежать, не укрыться.

Вот так и сидит, опаленная солнцем апрельским,
А дождик прольется, и зонт не успеет раскрыть.
Моя Незнакомка, ты дивный цветок эдельвейса,
В просторе незримом тебе вдохновенье хранить.

А Любинский шумный пронесится мимо куда-то,
Веселые стайки студентов и гости, и тени,
Забыв все балы, и едва ли припомнив утраты,
Ты в век двадцать первый вживаешься так постепенно.

Отложена книга, в ней все уже было когда-то,
Былая интрига не трогает этих парней,
Ты так одинока, печальна и все же крылата,
И в тихую полночь, в мерцании ярких огней

Поднимешься вдруг, но останется зонтик и книга,
И в эти просторы отправишься снова парить.
Моя Незнакомка, в стихии у дивного мига,
И «Лунной сонаты», в мой город окно отворить

Еще суждено тебе там, где пространство и время
Сойдутся на миг в эту полночь у всех на виду,
И замер художник – пустая скамейка, не верит,
Что стало с Красавицей, снова попала в беду?

Да нет, не исчезла, к рассвету, не бойся, вернется,
Присядет на миг, а останется здесь на года.
Замрет от печали, и только апрельское солнце,

Ее ослепит, как прекрасна и как молода,

Да только печальна, но ветер уносит печали,
И надо б узнать, чем закончился этот роман,
А мир просыпается, птицы во мгле закричали.
И смотрит она удивленно – все сон и обман

Глава 5 Закружились бесы разны Прошлое

(А.С.Пушкин)

Полночь. Город спит. В тишину его кварталов врывается рыжая красавица осень. Безлунная полночь – это время, когда те, кто особенно яростно любили и ненавидели, могут вернуться в мир живых, для того, чтобы доделать какие-то важные дела, приобщиться к нашему миру, вдохнуть его музыку, радость, ароматы, их не может быть ни в каком раю.

Многие из ушедших рано или поздно понимают, что в мире нет ничего прекраснее, чем жизнь, никакой рай или ад не сравнится с тем чудным мгновением, которое отпущено каждому из нас, и было у них когда-то.

Над городом витают души тех, кто был и остается здесь навсегда, они возвращались и всегда возвращаются туда, где были счастливы или несчастны.

Медленно поднялась с железной скамьи и спешит на осенний бал вместе со своим генерал – губернатором Любаша. Она не может пропустить этого события, оно бывает только один раз в году вот в такую вот осеннюю полночь, распахнулись двери их дворца, и он встречает своих гостей.

Туда же устремился и наш адмирал, ему просто хочется покружиться в танце с очаровательной незнакомкой...

Только об этом осеннем вальсе или мазурке он мечтал почти целое столетие, пока наконец не вернулся со своего корабля призрака на землю, и сегодня у него есть последняя возможность остаться на берегу, если юная и прекрасная дева влюбится в него и спасет... Если бы сам он не влюбился в чужую жену, то все так и было бы, вероятно. Но стоило только ее увидеть и все забылось, все исчезло. Он готов пожертвовать своим спасением ради этого осеннего вальса.

Хмурится генерал, но разве может его юная жена отказать адмиралу, да она еще и не ведает, что губит обоих. Но только страсть, только музыка, только танец волнуют ее в этот час. Не ведает, не знает, ей просто хочется танцевать. А он так молод, так красив, что все остальное уже не имеет значение. И в залу, заполненную лунным светом, в самый разгар бала врывается темная фигура арестанта, бунтовщика, гения. Он освободился, наконец, из гранита, и словно Атлант, сбросил всю тяжесть, которая была на его каменных плечах все эти годы... Как его любимый черт, он мечтал только об одном, чтобы воплотиться, и вот в осеннюю полночь свершилось... Его глаза сверкают праведным гневом, но звучит музыка, и кружатся пары, каким чужим и далеким он должен казаться в этой веселой и радостной толпе призраков... Если бы молодая и прекрасная Незнакомка не бросилась к нему с восторгом:

– Федор Михайлович, дорогой, я так долго ждала вас, я должна была вас увидеть и спросить о многом, неужели это свершилось.

– О чем же, милостивая сударыня?

– О бесах, конечно о бесах, у меня докторская диссертация, и как прекрасно будет, если я услышу обо всем из первых уст. Елена, меня зовут Елена, какая радость увидеть вас, услышать.

Писатель отпрянул от Елены, пытаясь понять, о чем она говорит.

– Но какое отношение имеют бесы к городу, к балу? Я так устал, мне просто хочется немного отдохнуть.

– Но это же ваш роман, самый скандальный, самый таинственный...

– Роман? Мне бы хотелось романа с таинственной незнакомкой, а вы, как я погляжу, о писательстве. Можно отдохнуть от каторги хоть единственную ночь, может быть, мы потанцуем? Ну их, бесов, разве стоит на них тратить единственную ночь?

Он с завистью наблюдал за тем, как адмирал обнимает нежно и трепетно тонкий стан жены генерал-губернатора.

– Танцевать? Но я не умею, не могу, у меня диссертация, я должна, – Елена лепечет что-то, все еще не отходя от писателя.

Но он уже шагнул вперед, подхватил какую – то даму, и закружился немного неуклюже, но получая от танца невероятное удовольствие.

Кружились пары, Елена не могла пробраться к своему кумиру, и только слышала:

– Единственная ночь осени, когда мы можем освободиться от пут, вырваться из гранита, хочется только танцевать, танцевать до самого рассвета, все остальное потом.

– Не может быть, – шептала Елена, – разве творчество, разве то, как мы его воспринимаем, принимаем, не самое главное? Ладно, адмирал, но Федор Михайлович, не может быть, чтобы он так легкомысленно относился к своим гениальным романам.

И тут она услышала странный хохот рядом...

– Неужели тебе никогда не хотелось жить и любить? Только жизнь, реальность, а не книги и не исследования, это чудное мгновение – единственное сокровище, которое у нас есть. Из-за Елены началась война, а ты никак не можешь чужих бесов оставить в покое и просто жить. Смотри, как прекрасна осень, даже твоему гению хочется танцевать, а ты еще жива, у тебя еще ничего не потеряно, или на самом деле оценить можно только когда все потеряешь?

– Я еще жива, – повторила Елена.

В тот момент мимо скользнул адмирал с Любашей, потом гений с какой-то дамой. Они смеялись над ней и таяли в тумане.

Распахнулись шторы и желтые листья кружились в заполненной музыкой бальной зале. Елена взглянула в старинное зеркало, около которого она невольно остановилась, и с ужасом заметила, что она там не отражается... Но кто-то уже подхватил ее, словно осенний листок, и закружил в вальсе, она пыталась, но никак не могла рассмотреть лица незнакомца. Ночь заканчивалась, начиналась обычная жизнь

Осень вырвалась из плена грез и облачного сна,
И легко самозабвенно, обнимает мир она.
И кружится легкой птицей над туманной мостовой
И в окно твое стучится: просыпайся, что с тобой?

Скульптор снов моих печальных, ты в тумане снова нем,
И с любовью и с отчаяньем, мир свой лепишь, но зачем.
Твой угрюмый Достоевский город милый мой клянет,
И устало так по-детски, он во мрак его идет...

Пьедестал был пуст, я знаю, только там, в пылу страстей
Снова где-то возникает странный, страстный и ничей.
Говорят, что просто осень наши души бередит,
Первый лист, он красный очень на плече его лежит. ь

Ходит зол и неприкаян, и узнать не может мир,
Каторжанин, и властитель душ, и музыки и лир.
Так уж вышло, что, страдая, он искал назад пути,
Осень в тишине витая помогла тот путь найти.

Говорят, что снова видят, то на Любинском, то там,
За чертой. О, мрачный витязь в темных водах Иртыша,
Ермака ли он спасает, ищет золото во мгле,
Вот в тумане возникает адмирал мой, как во сне.

Осень кружился над ними и зовет куда-то в даль.
Мир ночной душа покинет, и останется печаль.
Адмирал спешит к Любаше, знает, им еще на бал
Достоевский зол и страшен, мимо, мимо пролетал.

Глыба мрака, и пугая, мир, разбуженный грозой,
Он по городу шагает, вслед рычит Иртыш седой.
А к нему спешит Елена, завернувшись в синий плащ,
Как легко и вдохновенно говорит, и слышит плач,

Завтра новая стихия озаряет зеркала,
Снова в ярости мессия, снова дева так светла.
Город спит, встречая осень, ветер за окошком стих,
Адмирал счастливый очень на мазурку пригласит.

Губернатор за женою так ревниво вновь следит,
Страсти ярости волною окрылен во мрак летит.
Гений, плен свой не приемля, и в тумане сентября
Первый лист летит на землю, осень дивная, царя,

Души нам иные бросит, и пугает и манит,
– Не грусти, здесь просто осень, просто Омск устало спит.
Обнажено, окрылено, утопая в мире грез,
Грозный гений даме черной листьев золотых принес.

И присел потом устало, и ревнует и молчит.
Рядом профиль генерала, и в мазурке мир затих.
Пусть покружится Любаша над опавшею листвою
Как тревожно, дивно, страшно жить в тумане, город мой.

Этот свет и тот мешая, нам таинственно твердит:
– Просто осень золотая многим душу берedit.
И кружится легкой птицей над туманной мостовой
И в окно твое стучится: просыпайся, что с тобой?

Часть 1 Найти и вернуть

Глава 1 А вот и земля

В тот день была жутко-красивая метель, с раннего утра и до обеда снег буквально валился с небес, стараясь засыпать землю. Зима и без того немного припоздала, и теперь пыталась наверстать упущенное.

Метель мела по всей земле, во все пределы. Странно, что припомнился именно Пастернак, к чему бы это, интересно? Да точно не к добру, потому что там у него страсти сплошные, а Елизавета успела забыть, что это такое, и как это бывает. Но Пастернак был любимым поэтом Алекса, профессора и знатока серебряного века, ее преподавателя, ее возлюбленного, а он ей приснился в эту ночь, потому на душе становилось все тревожнее.

Елизавета проспала и не успевала на заседание литературной братии, которое было назначено на 14.00. Как можно было проспать столько? Но в метельные дни с ней случалось и не такое.

А на дворе воскресенье, сосед за стеной буянил всю ночь и гонял свое семейство. А когда она услышала вопль Дениса, приемного сына Стаса, то подняла своего рыжего Шарпея Макса и скомандовала:

– Пошли, хватит терпеть все это, он же их поубивает совсем. Только на тебя последняя надежда.

Стаса она знала с пеленок и с тех пор начала воспитывать. А кому еще было этим заняться? Пьющая бабушка и меланхоличная мамаша, ее подруга детства, но до сих пор Машка была озадачена только тем, как найти себе очередного мужика, что не только с каждым годом, но и с каждым днем делать было все труднее. Возраст, а когда ты в 50 выглядишь на 70, то почти невозможно. Да и сама Лиза если бы не знала, что Машке 50, то никогда бы в это не поверила, а что о мужиках говорить?

№№№№№№№№

Две двери распахнулись одновременно, Денис побежал почему-то на верхний этаж, когда надо было нестись вниз, пес бросился на этого упыря, перехватив руку с ножом, послышался страшный рев, который должен был поднять мертвых из могил, но и Лиза встала бесстрашно перед ним. Испугаться она должна была потом, значительно позднее.

– Совсем свихнулся, ты что творишь, говнюк, – говорила она не громко, но лучше бы кричала, к крику он привык, а негромкий голос пугал больше, отрезвлял быстрее. Стас резко протрезвел, что разозлило его еще больше. Деньги на водку были потрачены зря, а где ее взять среди ночи?

И хотя она едва доставала ему до плеча, но он как-то отступил, и взвизгнул:

– Убери собаку. Она мне руку откусила. Ты за это еще ответишь.

Нож упал на цемент, вышел сосед из квартиры напротив, тот, кто был выше самого Стаса, и этот волк оказался в загоне в тот же момент. Он подхватил нож, сжал прокусанную руку и скрылся за дверью. Лиза увела к себе Дениса. Они еще долго пили чай на кухне и говорили, как жить дальше парню, которого некому защитить, если мать родная все это терпит и не уходит от психопата.

– Бабушка получила квартиру, она переедет на той неделе, все будет хорошо, тетя Лиза, спасибо вам, но как вы решились выйти?

– У меня есть пес на этот случай.

Она взглянула на Макса и улыбнулась. Собака в наше время просто необходима, не пистолетом же размахивать перед таким Стасом.

Макс посмотрел на нее, словно спрашивал, все ли он сделал так, как надо, и, увидев, что она улыбается, завилял хвостом. Ну самый мирный пес на свете, разве такой может кого-то укусить? Нет, конечно, а если кусает, то покусанный сам в том виноват.

– Да и не боюсь я его, и он это знает, а вот почему здоровые мужики не тряханут гаденыша как следует, этого я не понимаю.

– Все равно, вы поберегите себя, ведь он неадекватен совсем.

– Но там твоя матушка, – напомнила Елизавета.

– А что я могу сделать? С ней бесполезно говорить. Она останется с ним, пока он ее не убьет, или она его не отравит. Вот такая она уродилась. Человек она хороший, но терпит все это непонятно почему.

Вот такая была ночь и такой ночной разговор. Потом они провалились в сон. Макс остался сидеть под дверью – охранять их покой, и если что, покусал бы Стаса снова. Только тот и нос сюда не сунет, можно не сомневаться.

.Снегопад за окном мог усыпить и тех, кто спокойно провел всю ночь, а уж Лизе и сам бог велел выспаться хорошенько.

А может ей просто и не хотелось идти туда, к поэтам, которые, как обычно не понятно о чем спорили и что там делили, когда делить было нечего и спорить не о чем. За дело в ЛИТО она взялась шустро, а потом все стало угасать, и понятно было, что время потрачено даром. Сначала она на что-то надеялась, потом надежда пропала, но появилось раздражение.

Но может быть, ей просто так казалось на склоне лет? Хотя и в юности зеленой все Лито ее не особо привлекали. Это точно было не ее дело, хотя Лиза и понимала, что надо было объединяться, что-то вместе делать, но как только до дел доходило, так и все. Тогда она смело убегала от их скуки вечной в объятия к парням, вернее, к одному-единственному парню.

Глава 2 Прошлое или настоящее?

Вот и сейчас, прогуливаясь с Максом по набережной, по той самой набережной, Лиза вспоминала, как он появлялся здесь с правой стороны от опор моста, потому что она направлялась с той стороны с рыжим питом на прогулку, и они начинали целоваться, так, как будто виделись в первый и в последний раз. Больше ни с кем ничего подобного не было сроду. Сила притяжения на этот раз была невероятной, она даже не пыталась от нее как-то откеститься. Это было бесполезно.

Но нет, встречались они давно не в первый, и она надеялась, что не в последний раз. Просто от его появления на горизонте весь остальной мир проваливался в темные воды Иртыша, и Матвей мог потеряться, если бы не оставался неизменно при ней, требуя, чтобы она сняла с него намордник. Он понимал, что этого не случится, но настаивал на своем, тихонько подывая. Штуковина эта была страшно неудобно, но в центре города Лиза не могла его вывести без намордника никак. Да и надо сказать, что пьяницы и наглецы становились смиренными и приветливыми, а пес их ну сильно не любил, и она вряд ли смогла бы его удержать, если что.

Когда появлялся этот высокий, длинноногий, выть было бесполезно, она все равно не услышит. Только редкие прохожие шарахались в стороны, словно с этой штуковиной он мог кого-то цапнуть, размечтались. Но все равно боялись страшно, такая у Матвея была порода взрывоопасная, приравненная то ли к холодному, то ли к горячему оружию.

№№№№№№№№

Сколько воды с тех пор утекло, уже и Матвея – собачий век короток, давно нет, и пес у нее совсем другой, скорее забавный, чем страшный. Но собака есть собака, никто особо не пытался гладить его складки и улюлюкать, быть покусанным не хотелось. И тот парень, которого Макс знать не мог, никогда не пройдет по этой дорожке, не обнимет ее так, словно они прощались навсегда, расставались навек. Но именно таким и было чувство у него, она надеялась на что-то большее. Наивная и юная, не могла поверить, что Эльдар исчезнет, что его у нее кто-то может украсть. И ладно бы любимая женщина, это обидно, досадно, но понятно, нет, именно нелюбимая, что ранило еще сильнее. Как он сможет жить с нелюбимой?

Макс бы вмешался и цапнул его хорошенько, он был без намордника, и вполне мог это сделать, вон прокусил же руку соседу Стасу недавно, и этого бы цапнул, только не бывать этому. Да все просто, цапать некого, они действительно расстались навсегда.

Только по грустным глазам и вздохам Лизы можно было понять, как она любила, ждала и надеялась годы напролет.. Вопреки всему, может быть потому, что мертвым она его не видела. На кладбище ходили только мужики, да и к тому времени они давно были не вместе. Но пока она жива, ведь могло случиться чудо, он мог появиться тут снова. Кажется Николай Чудотворец не понимал, за кого она просит, и найти в раю или аду того самого призрака никак не мог. А потому только взирал на нее рассеянно, и молчал в ответ. А она все просила и просила его об одном и том же. Странно, ему удавалось исполнять все ее разумные и даже неразумные желания, но только не это.

Подошел какой-то седой старичок, стал целовать руки и говорить о том, как он рад ее видеть. Но кусать такого – себя не уважать. От него не исходило никакой опасности. Он говорил о том, что на заседании не было ничего интересного, что все то же самое, непонятно только, сколько это может продолжаться.

Они прошлись немного втроем, и он так же быстро раскланялся, так и не напросившись на чай, хотя намекал на то, что время у него есть и посидеть в компании такой дамы он не прочь.

– Какой чай, дедушка, тебе о душе пора подумать, – хотелось протягивать Макс, но он сдержался. Пес бывал порой очень тактичен.

Зачем добивать лежачего, старость – это наказание для тех, кто до нее дожил. Сам он надеялся не дожить, но как знать. Пусть жизнь его собачья идет своим чередом, а там видно будет.

И сочувствуя старичку, Макс не заметил, что там было впереди, почему замерла Лиза, хотя ничего такого там не было, ни пьяницы, ни бомжа, ни бандита. Пес выделял эти три типа граждан. С ними чаще, чем с остальными приходилось вести беседу на повышенных тонах, если они имели что-то против его хозяйки. Против него самого, как правило, ничего не имели. Все-таки одна извилина имелась у этих типов, и она начинала работать вполне прилично, как только они видели даму с собачкой вполне приличных размеров. Ясно, что ни себя, ни ее пес в обиду не даст.

Но все-таки на дороге у них что-то было. Только вот что?

Что было, то сплыло, судя по всему давно, еще до появления его в этом мире. Это был не человек. Уж ни котам знакомым, ни ему объяснять этого было не нужно. А вот стихотворение Лиза в тот вечер написала, и было оно не о Максе, что пса очень обидело, а о каком-то ангеле. Ну как так, ведь он все время рядом, служит ей верой и правдой, а она об ангеле пишет, которого и разглядеть не могла. И дался ей этот ангел.

Снежные ангелы тают в порывах метели,
К девам земным прикасаясь внезапно и нежно.
Снежные ангелы тают, чего ж вы хотели?
Это влюбленность и радость их губит небрежно.

Холод и стужа, вот глупые, только спасает,
Лучше подальше держаться, все будет отлично.
Только бессмертные ангелы молча бросают,
Разве и вечность для них в этот миг безразлична?

Дева земная покружится в вальсе и бросит,
Снова захочет уйти от метели к камину.
Ей подавайте и жаркое лето, и осень.
Ей подарите для жизни героя, мужчину...

Он – только ангел, рожденный однажды в метели,
Дивно прекрасен, не ведая жаркие чувства.
Вот уже перья из крыльев его полетели,
Стройное тело растает от боли и грусти...

Глава 3 Ну, здравствуй этот свет

Нежность и радость, все так далеко и не ясно,
Плачет и мечется дева в январской метели.
Ангел растаял от страсти, как это ужасно,
Только чего же хотел, прилетая он к деве.

Но говорит, будто он ни о чем не жалеет.
Я не поверю. Бессмертие мига дороже?
Только перо на ладони, и холодом веет,
Он у камина остаться со мною не может...

Тает улыбка, а нам уже надо прощаться,
Снежные ангелы больше к огню не вернуться.
Разве же стоило гибели глупое счастье?
Только метели за окнами яростно бьются.

Спросит мужчина опять: – Отчего ты печальна?
Что мне ответить не знавшему этого чуда?
К крыльям из снега тогда прикоснулась случайно,
И никогда, никогда этот миг не забуду....

Небо было покрыто густыми снежными облаками. И сквозь них едва проглядывало солнце, сначала оно было мутным, а потом вдруг стало ослепительно ярким. И все это длилось только пару минут. Именно в этот миг и суждено было Эльдару упасть на землю, свалиться вместе со снегом.

Если бы поэт увидел это падение, то он вряд ли сравнил бы его с падающей звездой, потому что летел тот кубарем вниз и при этом казался каким-то странно тяжелым, как куль с мукой. От грации и изящества, восхитившего Пана на небесах, не оставалось и следа. То ли притяжение земли было таким сильным, то ли за время падения произошло еще что-то необъяснимое. Но таким было его возвращение на землю.

– Черт побери, – прошептал Пан со своей высоты, – он только собирался последовать за Элем и невольно остановился, – так ведь и помереть недолго, расшибившись. Видно что-то там пошло не так, тяжесть какая-то странная.

– Два раза не помирать, – услышал он голос Рыжего за спиной, – вы все-таки стащили у меня моего короля. Следил – следил день и ночь, но разве уследишь за вами, злыдни.

Он не скрывал досады, или просто троллить старался, сейчас и на небесах проходили эти словесные игры – издевательства.

– Ты его проиграл, в честной игре, – напомнил Пан, поморщившись, про честную игру он, конечно, нагло соврал, а в остальном все так и было.

– Проиграл, это правда, сколько раз давал себе слово не играть с такими аферистами, как русские бесы, и столько же забирал слово назад. А ведь давно надо привыкнуть к тому, что никогда вы честно не играли и играть не станете. Дурная слава впереди бежит. Но кажется, что со мной афера не пройдет, а снова прошла.

– Да ладно тебе, это судьба. И потом, твой Фауст должен пережить то, что не успел в земной жизни. Мы так поспешно вытащили его оттуда, как только он опомнился, хорошо подумал, и решил вернуться к Лизочке. А этого допустить тогда было никак нельзя, вот и пришлось его

забрать, но ведь он был на правильном пути. Вот пусть этот путь и продолжит. А мы с тобой ему в том поможем.

– Это раз плюнуть, – усмехнулся бес, – только Лизавета стала значительно старше, капризнее и мало что от той очаровательной девицы осталось. А потому и у нас задание сильно усложняется. Со взрослыми дамами редко проходит то, что с девицами легко получается.

– А твой крем на что? – напомнил Рыжему Пан.

– Да крем-то кремом, только он поправит форму, а содержание. Ведь тогда все было важно... Этот полковник в душе оставался романтиком, если ты помнишь, а перед душой крем бессилён.

Рыжий мечтательно вздохнул, будто речь шла о его прошлом. Пан поднял брови от удивления.

– И где ты такого нахватался, интересно?

– Я к людям всегда был ближе, чем все вы. И к вашим тоже. Мне все всегда было интересно, то там, то тут и нахватался постепенно.

Демоны замолчали, они вдруг поняли, что заговорились, потеряли Эля из вида, и теперь не могли понять точно, куда он упал. И надо же было такой беде случиться.

Нет, то, что он приземлился в своем родном городе, в последней ставке адмирала, сомнения не было, но город – то был огромен. Там в сущности два города по берегам Иртыша, где по легенде и потонул Ермак. Искать там иголку в стоге сена даже им было очень тяжело. Но может быть, Рыжий специально отвлек его, чтобы усложнить задачу, создать трудности и успешно с ними справляться? А почему бы и нет, тем более он только этим всегда и занимался. Но судя по его озадаченному виду, все было не совсем так, или совсем не так, понять это Пану было не так просто, да и раздумывать некогда – надо спешить.

Настоящий полковник, конечно не сопливый малолетка, много чего у него за плечами было, но теперь в новой шкуре, а вернее, вообще без шкуры, в иных условиях, он может дров наломать таких, что все демоны в мире не разберутся с ним никогда. А отвечать за него придется им, ведь отправляя его на землю, они явно самовольничали. Им просто хотелось еще раз воскресить историю большой любви, которая оказалась длиннее жизни, а ведь чаще всего любовь короче, чем жизнь, только не на этот раз.

И они полетели следом, напоминая падающие на землю метеориты, которые, скорее всего, не взорвутся от соприкосновения с ней, не первый же раз вот так летели. Никаких пожаров и взрывов до сих пор не случилось. Только ведь все когда-нибудь начинается.

Глава 4 Возвращаются все

Снег валил густой пеленой, и разглядеть там внизу что-то было очень трудно. Эльдар чувствовал это страшное притяжение. Оно и на самом деле было очень сильным и каким-то болезненным даже.

– Я бы разбился в лепешку, если бы было чему биться, – успел подумать он, на этот раз не ощутив радость от парения. Слишком большим казался груз, который взвалили бесы на его прозрачные плечи.

В армии, в десантных войсках, он прыгал с парашютом и получал от этого огромное удовольствие, но тогда можно было и серьезно поломаться, стать инвалидом, да просто погибнуть, если не раскроется парашют, не то, что теперь, когда никакая беда ему больше не грозила. Теперь это не возможно, а страх не прошел.

В тот момент он больше ни о чем не успел подумать, потому что рухнул в сугроб прямо за первым зданием на Любинском. Вот именно рухнул в самом центре города, любимого города. Это был один из корпусов Медицинского института. А еще для него такая знакомая дорога, по которой он шел домой, и из дома к Серому дому в Долину смерти, как окрестили эту площадь еще с давних пор.

В детстве, когда вместе с мамой они в первый раз прошли по этой улице, она объяснила ему, что это за здание, и какая красивая форма была у людей, которые там работали. Тогда он для себя решил, что обязательно будет там служить, и получит такую форму, и будет ходить по той самой дороге. Мама только улыбнулась, она любила своего старшего сына и обращалась мысленно к Николаю Чудотворцу, чтобы тот исполнил его желание. К святым ее мужа она обращаться не хотела, надеялась, что свои помогут быстрее.

Но как же давно все это было. И кто-то мольбу его матушки услышал, исполнил, наверное, все-таки ее любимый святой, потому что желания ее сына исполнились.

Но за эти годы многое изменилось, и сама площадь тоже стала немного другой. Теперь в самом центре ее красовался собор, в который за все эти годы он ни разу не зашел даже просто из любопытства. Сейчас можно было заглянуть, поставить свечу за упокой души матушки. Почему при жизни не пришло ему это в голову ни разу. Он так и не понял, и не принял ее мир и ее веру, может быть потому, что хотел понравиться суровому отцу, и не допускал того, что он косо на него посмотрит. Из-за своей женитьбы на русской, ему пришлось пережить слишком многое от родных, и он не хотел такой судьбы своему сыну. Пусть хоть в личной жизни у него все будет спокойно, и потом мусульманки спокойнее и покладистее, а разве не это самое главное, при его – то службе нужны ли ему страсти. И очень долго и упорно, он внушал Эльдару именно эти мысли, и даже допустить не мог того, что сын его может послушаться.

Даже теперь, он не пошел в храм, хотя бояться было некого, он исполнил волю отца. Эль поспешил на Набережную, и ощутил себя Ермаком, только что прибывшим сюда, чтобы покорить Сибирь. Об адмирале, проигравшем главное сражение, думать не хотелось, финский хоккейный тренер объяснил популярно на собственном примере, чем отличается кодекс победителя от комплекса побежденного. И не любивший хоккей, но вынужденный порой быть на Арене – это был его участок службы, он принял все это с радостью и даже восторгом, и имел наглость чувствовать себя победителей. Жаль, что жить Элю тогда осталось только пару лет, он не успел самого главного, до конца почувствовать себя победителем. Но кто же знал, что его вот так поспешно вырвут из этой жизни неведомые силы. А они вырвали, не позволив даже еще раз взглянуть на Лизу, побыть с ней рядом, коснуться ладонью щеки, как он с самого первого дня любил делать. А после страстно и нежно припасть к ее губам. Ни о чем другом не мечтал тот, кто повалялся пару дней на больничной койке, и, не приходя в себя, отправился к аллаху в свои райские кущи.. Больше никаких желаний, кроме этого вот свидания с первой и един-

ственной любовью у него не было. И что теперь получается, он может наверстать упущенное, хотя вряд ли сможет коснуться ладонью ее щеки, но просто посмотреть ей в глаза, побыть с ней рядом, это не так и мало, как кажется, это лучше, чем ничего.

Хотя откуда он мог вообще знать, что лучше, что хуже, если с того света на этот он возвращался в первый раз. А из тех, кто возвращался до него он ни с кем не пересекался, да и молчали они все упорно, не желая рассказывать, как и что там было с ними.

Теперь он повторял слова стихотворения Лизы, обращенное к тому самому великолепному финну, но Эль убеждал себя в том, что писала она это исключительно для него. Хотя это был самообман. Но вслед за бардом он мог бы воскликнуть «Да это ж про меня, про нас про всех, какие к черту волки».

Я волк одиночка, не стать мне послушным щенком,
У ног твоих снова замру и растаю вдали.
Но кто-то еще приручить все пытался волков,
И кто-то хотел подарить эту прелесть любви.
Я волк одиночка в просторе безбрежном степей
Холодная влага мне лапы омоет, и снова
Я буду метаться и выть на луну – я ничей,
Меня не пугает каприз и не ранит вдруг слово.

Едва повстречав тебя, я попрощаюсь опять.
И буду в тревоге, и буду в пути я и знаю.
Не быть на цепи, нет, мне Велеса снова встречать,
И в схватку идти, эти вольные дни вспоминая.
А где-то в тумане растаяли верные псы,
Князя и девицы их снова зовут за собою.
Погладят, прогонят, свободу швырнув на весы,
Я волк, а не пес, в этой схватке не сдамся без боя.

Но если однажды мне стать суждено на пути,
Тогда берегись и молись, о, красавица злая.
Легко загрызу, пока когти и даже клыки
Мне служат исправно, я жалости больше не знаю.
Пусть пес заскулит, и заслышит мой вой вдалеке,
Пусть воин оружие снова в тумане хватает.
Я волен и зол, не вести меня на поводке.
Что гнев или ласка, я знаю, любовь убивает.

Но кто-то еще приручить все пытался волков,
И кто-то хотел подарить эту прелесть любви.
Я волк одиночка, не стать мне послушным щенком,
У ног твоих снова замру и растаю вдали.

Глава 5 Омские ангелы так беспричинно печальны

Омские ангелы так беспричинно печальны,
Так одиноки в потоке чванливых столиц.
Им охранять наши души, и песни и тайны,
Им отыскать своего среди метелей и лиц.
Наши поэты порой так легки и крылаты,
Спрячут с судьбой и ищут защиты у строк,
Омские Музы уйдут, не дождавшись расплаты.
И остается безбрежность метельных дорог.

Кто нас хранит? Берегини, русалки и Лада,
Где-то в тайге бродит Велес – печальный медведь.
И уезжают, твердят, возвращаться не надо.
Как без поэтов и жить, и смеяться, и петь.
Я положу апельсин на плиту у Олега,
Я прогуляюсь по Линиям, снова в плену
Строк поднебесных, дома побелели от снега,
Тонут события и думы, и я там тону....

И никого ни на Любинском, ни в отдаленье,
Только собор, и печальная песня любви.
Слышу я в парке, как бродят в тумане олени,
Князя Петра навешу, и растаю вдали...
Ангелы в небе отыщут, как прежде поэтов,
Музы молчат, никого, ничего впереди,
Снова у Любочки строки звучат до рассвета.
Если прислушаться там адмирала шаги...

Что-то в мире менялось на глазах, но что именно Елизавета понять никак не могла. Она встретила мужика, который был на кого-то странно похож, но она не могла вспомнить на кого именно. И зачем вообще она вдруг с ним столкнулась тут и сейчас. Нет, определенно в мире что-то происходило, узнать и понять бы еще, что именно.

И только потом, взглядевшись и вслушавшись, догадалась, что пересекались они на сайте Стиху ру, только он не говорил, что из Омска, вроде там было что-то про Казахстан, потому она никак не ожидала его вдруг в реальности встретить. Да и вообще, от поэтов лучше держаться подальше. Ведь давал ей наказ дедушка, вернее любимый поэт ее бабушки, которого она привыкла считать своим дедушкой. Так вон он наказывал, чтобы Лиза не приближалась к ним, издали они кажутся значительно симпатичнее. Вот пусть такими в ее памяти и остаются.

Она помнила, что этот парень писал приличные стихи, иначе бы прошла мимо и не остановилась. Но разве это был повод для личного знакомства здесь, на улице? Хотя возможно в последнее время, только творчество было поводом для знакомства, такой чужой казалась она для обычных мужиков. Представить себе, что она с кем-то знакомится на СЗ было невозможно. Ну, пара фраз, не более того, поупражняться в изящной словесности можно, если время есть, но чтобы соглашаться на свидание – нет уж, увольте. Она давно не играла в эти игры, где проигрыш велик, а выигрыш ничтожен.

– У меня все точно так же, – говорил Николай, которого она еще в сети окрестила Ники и продолжала так называть. – Я знал, что ты не согласишься бы со мной встретиться, потому и не называл город. Но мне было интересно все, что ты делаешь, и я знал, что рано или поздно на тебя наткнусь на улице нашего города, ждать пришлось довольно долго, но это стоило того.

Мужик, а он казался настоящим мужиком, а не этим супер пупер непонятно какого полу, – как она окрестила золотых мальчиков и тех, кто пытались себя за них выдать. Правда, в Сибири и в Омске их было значительно меньше, вероятно, они сразу перебирались в дорогую столицу и околачивались там. Нет, небеса ей послали настоящего мужика, уже не так плохо. Да еще поэта, что обещало продолжительное знакомство. Но она сразу почувствовала, что будет кто-то еще из ее прошлого, чтобы сравнить и сделать выбор. Да какой к черту выбор. Она так привыкла быть одна, что ей определенно никто не был нужен, ну может быть в ресторан сходить, не более того.

И снова Лиза не попрощалась и не сослалась на работу, которой у нее было больше, чем надо в данный момент, ей не нужно было даже лгать или лукавить. Но отчего так происходило, словно бы они были как-то связаны не в этой жизни, так в другой и прекрасно знали друг друга тысячу лет. А может и связаны, а может и знали. Случайных встреч по второй половине жизни точно не бывает.

Такое чувство возникает вдруг иногда. И не просто симпатия, и именно то, что это твой человек, и видите вы не первый раз, и не в последний. Разве не так было с Олегом. Она увидела его в студенческом клубе. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что они встречались в разных временах. Он улыбнулся и прочитал эти ее мысли, и согласился. Правда, он был уже женат, и влюблен в свою жену – этого не скроешь. И ничего, кроме общения быть не могло. Но они жили по соседству и много общались. Хотя она даже не знала до его гибели, что он писал стихи. Но это не имело никакого значения. Они же были не двумя половинками, а двумя уникальными личностями, на время столкнувшимися, чтобы потом она помнила, она писала о нем, она вписала его в компанию поэтов, которых так любила и ценила. И главное, он был коренным омичом, что еще важнее. Ведь среди поэтов она упорно искала именно омичей.

Нет, что не говори, а в последнее время была какая-то мистика, причем она проявлялась везде, в самых неожиданных местах. Значит, должно было случиться что-то еще и это только прелюдия. Хотелось ли ей перемен, таких глобальных. Она не могла ответить на этот вопрос однозначно.

Николя признался, что в городе бывает не так часто, работает на севере, а сюда приезжает почти как в гости к дочери, хотя живут они в квартире на Левом берегу. Но он чувствует себя гостем в Омске, что конечно стало для него минусом. Наверное, так она себя чувствовала в столице, у бабушки. А ведь часто проводила там немало времени, у нее были там старинные друзья-товарищи.

Ники смущался, прелестное состояние для взрослого мужика, и сразу было видно, что ему не хочется уходить так просто. Уж если они столкнулись так внезапно, нельзя же взять и просто попрощаться.

– Мне скоро уезжать на работу, а не провести ли нам вечер вместе, вот хотя бы завтра, – очень робко, без всякой спеси и апломба предложил он.

Самое странное предложение из всех возможных и невозможных. Она сто лет не была на свиданиях, и стоит ли начинать?

Елизавета понимала, что она должна согласиться, не понятно зачем, но должна, потому что этот крепкий мужик спасет, прикроет ее отчего-то более странного и страшного, чему пока она не знала названия. Она даже не догадывалась, что именно это могло быть, и все же... Он натолкнулся на нее не просто так и в тот самый час, когда что-то должно было свалиться, как снег на голову.

Она протянула ему визитку с домашним и Сотовым, улыбнулась на прощание. И вместе с Максом направилась домой. Пес был явно чем-то недоволен. Он умел это выражать, и Лизи прекрасно понимала свою собаку.

– Да ладно тебе, это не просто первый встречный, мы с ним общались, о стихах говорили, мне просто неловко отказать ему, тем более он уезжает далеко и надолго. А ты посидишь один вечер без меня, дом поохранишь, и ровно в полночь я вернусь. А может и раньше, ты и соскучиться еще не успеешь.

Пес недоверчиво на нее взглянул, но они ничего друг другу сказать не успели. Какая-то незримая суматоха заставила забыть и волнения, и собачьи обиды. Но что это было? Даже пес не смог бы объяснить, если бы и умел говорить, а что уж говорить о милой даме?

Глава 6 Большие перемены

Поравнявшись со своим домом на набережной, они вдруг остановились оба одновременно, потому что перед ними что-то упало прямо в глубокий снег. Это был не человек, потому что даже очертаний фигуры не было, скорее большой прозрачный мешок с водой, такие летом сбрасывают мальчишки, завидя кого-то, а потом прячутся у себя в квартире.

Но и пакета никакого она не обнаружила, когда подошла ближе, не было там пакета, просто провал в сугробе. словно кто-то незримый в него провалился и исчез у них на глазах. Да и сбрасывать его было неоткуда. Они стояли на открытом со всех сторон месте, ну разве что с облака кто-то мог им швырнуть незримую фигуру.

Макс задрал голову вверх, но там никаких мальчишек или взрослых не было, даже самолет над ними не пролетал. Да он бы и учуял запах, но и запаха не было, и что бы это значило.

– Вот и я говорю, что бы это значило? – развела руки Лизи и стала оглядываться. Ничего так и не обнаружила и дернула его за поводок.

– Подожди, Лизи, – услышала она голос за спиной.

Вздрыгнула, замерла и готова была превратиться в соляной столб или в фигуру из льда. Такие уже начали мастерить повсюду в их прекрасном граде, в преддверии Нового года.

Пес его слышал тоже, потому что он зарычал яростно, словно там стоял бандит с ножом, и готов был ударить его хозяйку. Вот интересно, что он такое видел? Но что-то точно узрел.

Лиза резко оглянулась, посмотрела туда, куда уставился Макс, откуда раздавался голос, и само собой никого там не нашла. Но этот голос, это имя, она не забыла бы его ни в этой жизни, ни в какой другой. Только кто мог его имитировать, откуда все это появилось? Этого не может быть, она и не думала, что помнила его, что так сразу узнает, словно не было всей ее жизни без него. А может быть она становится ведьмой от горя и несчастий? Нет, это только цитата из любимого романа.

И в тот момент снова подбежал Ники, словно бы он гнался за ней все это время и теперь, наконец догнал.

– Лизочка, милая, как только ты отошла, мне позвонили и сказали, что нужно выезжать на вахту, наш ресторан придется отменить до лучших времен, они не будут ждать. А мне очень нужна эта работа.

И он растерянно стоял перед ней, словно потерял что-то самое дорогое и близкое, и страдал страшно от своей беспомощности.

Как ни странно, Лизи даже обрадовалась его вторжению, потому что перед ней был живой человек, его эмоции, чувства, переживания – все было живым и настоящим. А она начала отвлекаться на какие-то странные силы, и сама словно бы переносилась в иное пространство. Вон начала слышать мысли своей собаки, так ведь и свихнуть недолго на старости лет, а у нее еще столько дел впереди. Она не может сейчас отключиться от мира, и витать где-то в эмпиреях снов и грез, живая прошлым, далеким прошлым. Ники ее спасает и спасет от всего, что было и давно былшем поросло.

И она улыбнулась ему, как своему спасителю, внеся еще большую смуту в его сознание.

– Да не переживай ты так, у нас еще вся жизнь впереди, вернешься, и обязательно сходим, – говорила она, понимая, что Ники нуждается в утешении.

Он так обрадовался встрече, так хотел этого свидания, а она только принимала благоклонно все, что творилось, и соглашалась с тем, что должно было происходить. Но искренние чувства потрясли даже ее, вот и смешалось все в душе в один миг.

– Мне надо собираться, времени совсем не остается. Я обязательно что-то забуду, а ведь это надолго и там не такая зима, как тут.

Подкатило такси, которое просто следовало мимо, он порывисто обнял ее и плюхнулся туда, вероятно, произнося про себя какие-то матерные слова, не иначе. Все было написано на его лице, и отражалось в голубоватых глазах, полных печали, смешанной с досадой.

– Не судьба, – сказала бы ее бабушка.

И она поверила в то, что это была не судьба. Большой досады не испытала, потому что все закончилось, еще не успев начаться.

Пес потащил ее в подъезд, ему не хотелось больше оставаться в этом странном месте, где шерсть у него в прямом смысле вставала дыбом. И Лиза побежала за ним, потрясение от того голоса, от странного падения немного притупилось, чужие переживания она восприняла, как свои собственные.

– Ну вот, ты не хотел этого, и не сбылось, – упрекнула она Макса.

Но тот не особо радовался, он напряженно думал о том, что ждать им и от этого полярика, так он его окрестил, и от упавшего с неба призрака, волновавшего его еще больше.

Вот жили они, не тужили, писали романы, гуляли, за ястребов вместе болели, и никого не было поблизости. А тут что происходит стало, и собачьей спокойной жизни точно пришел конец. А смириться с этим рыжий шарпей никак не мог, как не старался. Ведь он привык считать себя самым главным, и на роли второго плана уходить никак не хотел. А ведь придется, черт бы их всех побрал.

Как только они соберутся все вместе, так про него совсем и забудут. И если покусаеть этого мужика, то будет только хуже, ему точно порадоваться не придется, она его подарит кому-нибудь или выгонит на улицу, вот чего только и добьется в этом случае

Глава 7 Возвращаются все

Как только Лиза и ее противный пес скрылись из виду, Эльдар поднялся и отряхнулся от снега, по старой привычке, уверенный, что тот должен был прилипнуть к его форме или парадному костюму, в котором он спешил на деловые встречи и на романтические свидания. От старых привычек избавиться очень трудно, тем более, если новых-то и нет вовсе. А мы все помним прекрасно, как и что там было прежде, и мучительно желаем вернуться туда, и повторить, и сделать снова то, что память бережно хранит.

– Ну вот и прибыли, – усмехнулся он, и увидел только что отыскавшего его Рыжего.

Как тот нашел его, сказать трудно, но все-таки отыскал. Нюх у демона безводной пустыни всегда был отменным. Наверное, и не в таких условиях находил тех, кого хотел, хотя в муравейнике тоже не все было так просто.

– А где тебя еще было искать, как не около дома твоей королевы? – явно ехидничая, спросил тот.

– Кажется, ее пес почуял меня, мог даже цапнуть, вероятно, так я ему не понравился, – размышлял вслух Эль. Делясь первыми впечатлениями от того, что с ним теперь случилось.

Говорят, что дьявол кроется в мелочах, но мелочи всегда любили все, да и куда от них деться?

– Тебя сильно тревожит, понравился ты или нет какому-то псу? Ты встретился с любовью всей своей жизни, но говоришь только о псе. Сколько живу, так и не могу людей понять, особенно мужиков, странные они какие-то почти все, а уж настоящие полковники и поэты особенно.

Почему он заговорил о поэтах, Эль так и не понял, наверное, на то у него были какие-то основания. Сам он никогда ни одной строчки не сочинил тогда, и теперь не собирался этого делать.

– Да, уж, она почти не изменилась, и за ней по пятам бежал какой-то мужик, такого я и тогда не припомню, но теперь, – наконец соизволил Эль хоть слово сказать о Лизе. И это сразу оказался негатив, попытка ревности.

Она работала в мужском коллективе, а он ее не ревновал, потому что не сомневался в своей неотразимости, так что же с ним случилось теперь?

– То ли еще будет, ревность удушит тебя теперь, – про себя подумал Рыжий, но вслух сказал другое:

– А тогда ты много чего не замечал и не помнил, – может, теперь будешь внимательнее к тем, кто тебя все еще любит, хотя теперь уже и любить-то не за что.

Он умел утешить и ободрить любого. Но Эльдар отмахнулся от него. Ему вовсе не нравилось, когда кто-то вмешивался в его личную жизнь, даже если вмешивается бес-искуситель. Она всегда и для всех была тайной за семью печатями и не только потому, что это могло стоить ему звезд. Но он не потерпел бы, если бы кто-то и что-то говорил, обсуждал и осуждал. Это касалось только двоих людей. И еще одно, он боялся, что кто-то узнает страшную тайну его любви, большой и прекрасной, и запретной. И того, что он сам своими руками расправился с ней, потому что струсил, не смог дойти до конца, не пошел против своих и чужих. Он несколько раз порывался ей что-то объяснить. В последний раз попытка оказалась самой нелепой, беспомощной, какой-то жалкой. Но он только что получил капитана, и они обмывали его звезды. Лиза в тот момент рассмеялась и ушла навсегда. Она сказала, что поступила в университет, и они больше никогда не увидятся.

– Никогда, слышишь Эль, и не смей ко мне даже приближаться.

Как мог он забыть эти слова. Ей все давалось просто и легко, ему приходилось всего добиваться самому, она никогда не сможет понять его, хотя и любила его самозабвенно, но этого ей не понять.

Звезды остались на его плечах, он стал майором и подполковником, но к ней так и не посмел приблизиться. В этих ее словах был смертный приговор для их любви. И ведь должен был кто-то все решить раз и навсегда, это оказалась она в тот миг.

Он поспешно женился на той, которая считала это большой честью для себя. Она исправно исполняла все свои обязанности, как и положено восточной женщине. Эльдар иногда исполнял свой супружеский долг, а во все остальное время прикрывался работой, службой дни и ночи. Это было правдой отчасти, его всегда можно было застать на рабочем месте, тогда еще не было Сотовых, и обмануть звонившего было трудно. Но не только служба его там удерживала, были и более веские причины, о которые не узнала до последнего дня ни одна живая душа. И если бы его не отправили назад, он и сам постарался бы о том забыть навсегда.

№№№№№№№№

Вот после падения с небес вся или почти вся жизнь прошла у него перед глазами, он взглянул на нее со стороны, и понял, что в ней не было чего-то очень важного и значительного, а все, что было, не стоило того.

И двадцатипятилетний парень смотрел на себя 45 летнего, и мало что оставалось, кроме сожаления о том, что могло случиться, да не случилось. Ведь оказавшись снова здесь, он должен был броситься в свой дом, взглянуть на жену и сыновей, но даже не подумал о том, и под дулом пистолета не пошел бы сейчас туда. У него было совсем другое задание. И это самое задание стало хорошим поводом для того, чтобы забыть, отмахнуться, отговориться. Да и что хорошего он мог увидеть там, где жил, а вернее только приходил ночевать, чтобы рано утром, а иногда ночью по тревоге отправиться на службу, которая, как известно и опасна и трудна. Но при всем при том она была легче и проще его личной жизни, порой казавшейся невыносимой.

Эльдар вздрогнул, когда на дорожке появились две девицы, куда-то спешившие, и одна из них прошла буквально через него, а вторая где-то рядом, и задела его своим рюкзаком. Это ясно показало, что у него совсем нет оболочки, если он ее ощущает, то только по старой памяти. Кстати, а в каком месте остается его память, если у него нет тела?

Но решать эти философские проблемы ему было вовсе некогда, о чем Рыжий ему и напомнил, не подавая голоса. Они могли общаться вот таким образом, и в телепатии есть свои прелести. Она сохраняет тишину, можно не напрягаться, не стараться перекричать друг друга.

Как интересно было прогуляться по набережной, на которую ты только с высоты небес мог взирать. А там трудно даже увидеть любимую женщину, как он мечтал о том, когда был там. Вот и теперь не смог себе в том отказать, вот и прошелся, прикоснулся ладонью к щеке какой-то грустной дамы, она вздрогнула и оглянулась, словно что-то почувствовала, а потом опять погрузилась в свою грусть.

– Если бы она еще увидела, как ты хорош, – заявил Рыжий, снова оказавшийся рядом.

И тогда Эль вспомнил свое отражение в зеркале, и то, что теперь он был в образе китайца, который играл короля Сиама и какого-то наемного убийцу. Хорошо бы хоть краешком глаза взглянуть на этого самого китайца и на фильмы, в которых он покорял женские сердца. Но они расстались с Лизой так давно, что, наверное, ни этих фильмов, ни самого китайца еще не было в их поле зрения, иначе бы она ему о том обязательно сказала.

Эльдар понял, что и он мог бы вот так же не париться в сером доме, не рвать и метать, защищая общественный порядок, а играть самозабвенно какого-то короля или киллера, и не сомневался, что у него все это получилось бы лучше. Но не в этой жизни, вернее, не в той, которая уже прошла.

– Хватит прохлаждаться, пошли к нашей девушке, ты странный какой-то – тебя кажись ни жена, ни она больше совсем не волнуют, а надо бы хотя бы для вида поддерживать имидж. Вот что значит голая страсть, нет там никакой любви, никакого чувства вообще. А отняли то, что страсть олицетворяло и куда что делось, ходишь – бродишь как неприкаянный.

Он покосился на Рыжего, и пошел за ним, понимая, что выполнить задание будет намного труднее, чем могло показаться на небесах. У него нет самого главного, того, что он делал лучше всех, а без этого трудно о чем-то говорить и мечтать, все это прах и тлен.

№№№№№№№№№№

И снова тот дом, и та же квартира на четвертом этаже, в мире, где время течет, ничего, в общем-то и не изменилось, как ни странно, а перемены случились там, где оно остановилось.

Как много непонятого и странного творится, однако, в этой реальности. А ведь в свое время он не мог представить себе, что жизнь будет течь, когда его не будет на свете. Ну как так, он допускал, что она была, когда его не было, но что она будет, когда его не будет, он допустить не мог. Как ясно он услышал голос Лизы, которая читала стихотворение, записывая его на диктофон, вероятно.

Он не должен был его слышать, потому что не лето, и окна были закрыты, но слышал. Вероятно, Рыжий снова решил над ним поиздеваться. Да как он вообще смеет. Хотя впрочем, он может все, потому что Эль находился не в своем, а в чужом мире. Наверное, так чувствовали себя князья, покинув мир, и понимая, что они лишились власти.

Но стихотворение, и этот голос, который сводил его с ума и тогда и теперь:

Останутся книги, когда нас не будет на свете,
Бессмертием нашим останутся книги и дети.
И где-то в сети пусть потомки потом обнаружат,
Тот том о тебе, и о том, как любим ты и нужен.

Мы стали давно для них мифом и сказкой, конечно,
И было иль не было, будут гадать безуспешно.
И вдруг эти строки, они проступают незримо,
И будет понятно, что был ты навеки любимым.

Что было в начале безумного бурного века,
Когда за свечами и жизнь незаметно померкла.
И двух стариков убаюкала лютая стужа.
Они вдруг поймут, что ты был мне все время так нужен.

И в городе нашем, и там, за чертой и пределом,
Мы снова расскажем, как странно душа холодела,
Когда без тебя я с котом в тишине оставалась,
Куда-то стремилась, чего-то так странно боялась.

Боялась тебя не увидеть, не обнять в суматохе,
А боги нам мстили, порою бывали жестоки,
И все-таки эта любовь нам в тумане являлась,
И все-таки Муза над нами порою смеялась.

И где-то в сети, они снова стихи обнаружат,
Там все о тебе и о том, как ты нежен, как нужен.

Останутся строки, когда нас не будет на свете,
Бессмертием нашим останутся книги и дети.

Глава 8 Тот и этот мир

А между тем Елизавета накормила своего верного пса Макса и кота Тимофея, которого она звала Тимоти, и села снова за работу, вспомнив о столкновении с Поэтом, и о том, как он назначил ей свидание, а потом сам же его отменил с большим сожалением. И все это случилось за полчаса не больше, таких встрясок давно у нее не было. Но это показалось ей не только забавным, а даже интересным приключением. Мужик казался искренним, хотя кто его знает, может быть он начал большую игру, от которой не собирался отказываться..

– Ну что поделатъ, – развела она руками, – как там любимые летчики пели, и дядя Ваня в первую очередь – ее любимый дядюшка —налетчик на прекрасных дам – «первым делом самолеты, ну а девушки и бабушки потом».

Хотя скорее пел он для отвода глаз тети Тани, потому что девушки для него были вовсе не на втором, а именно на первом месте, в чем все они много раз убеждались. Но Ники совсем не похож на бравого летчика, которого как горбатого, только могила исправит. Он все толково и доходчиво объяснил. И понятное дело, что если не будет этой работы, то туго ему придется. В наше время без нее никак.

В тот момент Лиза почувствовала, что в доме кто – то есть. И это был не вор, к ней вторгшийся, это был не человек вовсе, а призрак, не иначе. Давно она ничего такого не чувствовала, только теперь вдруг повторилось то, что было ощутимо сразу после ухода папы и ее любимого профессора. Но все это еще в прошлом веке случалось. А они уже второй десяток в новом доживали. Она успела подзабыть, как появляются внезапно любимые люди, только что покинувшие мир. Им, наверное, страстно хочется вернуться, а может они не понимают, что уже ушли? Да и она сама не отпускала их, цеплялась из последних сил, просила, умоляла вернуться. Потом все-таки затихало. Бабушка, узнав о таком странном вторжении, проводила какие-то обряды, приговаривая «Оставайтесь и нас дожидайтесь».

Но когда ты уходишь в 50, то очень трудно оставить мир, смириться с несправедливостью. Столько всего еще нужно было сделать...

И вот снова, что-то из той серии мучительных прощаний.

Станный холод коснулся ее левой щеки так, что она склонила голову немного в сторону. Казалось, что окно было разбито, и ворвался холодный воздух. Но это был не просто мороз, а какое-то именно иное дыхание Кашеево, как только он ее не заморозил совсем, даже не понятно.

И если бы Макс не сел напротив и не устался на нее, она бы как-то это пропустила, постаралась как можно скорее забыть. Но он начал рычать, уставившись куда-то выше ее головы, за кресло, именно за ее спиной, как ей казалось, и стоял кто-то незримый. Лиза не могла его видеть, но чувствовала кожей, и бабочки разлетелись по всему ее телу, совсем как тогда, когда он распахнул дверь и вошел в приёмную. Вся жизнь прошла, а словно это было вчера, и повторялось снова и снова. Потом она узнала, что называется это сладострастной истомой, от одних только слов дрожь бежала по коже.

Тимоти вообще зашипел, так он когда-то шипел на пылесос, когда только появился в доме. То ли подыграть Максу решил, то ли тоже почувствовал что-то странное. Коты вообще-то чувствительнее собак, они вообще не от мира сего, разве не убеждалась в этом Лиза сто раз за всю свою не такую короткую жизнь?.

– Да прекратите вы, – вырвалось у нее, и тут она вспомнила и жест этот и голос, звучащий совсем недавно на улице, перед ее домом. Голос, который она до конца своих дней не забудет и вспомнит в любой другой жизни.

Не может быть, случайность. Почему он сейчас молчит, как же ей хотелось снова услышать этот голос. От страстного желанья даже сердце замерзло и могло совсем остановиться.

И чтобы хоть немного прийти в себя, Лиза стала декламировать стихи, врубив запись. Она даже не понимала в тот момент, старые ли это стихи, или те, которые сочинялись на ходу, потому и врубила диктофон на всякий случай, даже не задумываясь о том.

Чертенок за левым плечом усмехнулся,
О чем-то запел, рог устало чесал.
– Смотри-ка, а он к тебе снова вернулся,
Как странно, признаться, такого не ждал.
Сама удивленно и долго смотрела
На звезды и бездны в тиши у окна,
Вернулся, казалось, что не было дела,
И знала, что я ему вряд ли нужна.

Но жизнь удивительней сна или сказки,
И вряд ли мы что-то могли угадать.
Чертенок посмотрит из мрака с опаской.
– Ну, если ее ты заставишь страдать.
Смеется:– Какой ты оранжевый ныне,
А я так устал от зеленых чертей,
Без вас задыхался я в знойной пустыне,
И понял, что стал я чужой и ничей.

Соскучился, ну принимайте же, братцы,
Всегда для гостей был приют на Руси,
Признаться, не верил, что в силах добратся,
И все же дошел, ты пойми и прости.
– Смотри-ка, а он к тебе снова вернулся,
Как странно, признаться, такого не ждал.
Чертенок за левым плечом усмехнулся,
О чем-то запел, рог устало чесал.

№№№№№№№№

Эльдар все это видел и чувствовал. И былые чувства в тот же момент к нему вернулись, словно и не было всех этих зим и лет без Лизы. Он боялся, что взрослая Лиза не будет так для него головокружительно привлекательна. Тем более себя он считал молодым. А она теперь уже была старше, чем он, когда покинул мир. Но как подполковник мог убедиться, возраст в данном случае, если была страсть и любовь, вообще никакой роли не играет. Он любил ее, он хотел ее точно так же, как тогда, в молодости, когда все было разрешено, и потом, когда их любовь стала запретным плодом, который, как известно еще более сладок, он любил и хотел ее еще больше. Только так и не решился, не жене изменить, нет, это дело десятое, а именно ей причинить боль, страшную боль. Разве не понимал он, что если даже все снова случится, потом будет еще хуже.

Но ведь теперь это невозможно, этого просто не может быть. Даже если он выскочит из кожи, которой у него давно не было и тогда он не сможет даже поцеловать ее. Он не успел позабыть, как совсем недавно сквозь него проходили девицы, так и она просто обнимет воздух и не почувствует его губ. Вот сейчас, когда он прикасался, она чувствовала только жуткий холод. Это все, что ей осталось чувствовать, когда он рядом. Да и не поверит она ни во что такое, как в это можно поверить?

И тут он заметил слезы на ее щеках. О ком она плачет, о чем, она что-то слышала, почувствовала? Эль не мог произнести ни слова, потому что мысленно проклинал тот день и час, когда с ней расстался и решил идти на поводу у многих вещей, не понимая, что есть одна единственная, и это любовь к ней, и желание быть вместе, даже если рухнет мир. А ведь он знал, что как и его отец, останется однолюбом, что никакая другая женщина не сможет занять ее место в его сердце. Он это тогда знал, и все-таки хотел быть, прежде всего, хорошим сыном. Бунтаря не было в его душе никогда, вот это главная его беда.

Эль все сделал правильно, мир не рухнул, только зачем все это ему было нужно. Вот в чем вопрос, главный вопрос. И ответить на него этот красавец никак не мог. Но его сын, его старший сын через год после его ухода женился на славянке. Словно бы дождался того момента, когда он уже не сможет встать у него на пути. А может быть просто хотел показать ему, что такое возможно, что он сделал это.

Хотя Эль не сомневался, что Арман любит эту красавицу, стоило только на него взглянуть на свадебных фотографиях. А Рыжий притащил и насмешливо бросил ему пачку тех самых фотографий с единственным словом:

– Полюбуйся.

И он смотрел на них, не отрывая глаз. Все-таки один тип знал его тайну, и пусть это был не человек, а черт полосатый, но он все знал. Фотографий было много, они рассыпались по прозрачному пространству. Элю оставалось только брать их в руки и разглядывать.

Арман был и не был на него похож. И кажется с каждой из них он смотрел на отца победителем, гордо задрвав подбородок. Он словно бы говори:

– Я сделал это, отец.

.Хотя откуда ему было знать о Лизе? Он не мог ничего знать, может просто мстил ему за матушку и за бабушку, потому что и та и другая не получили от отца той любви и заботы, на которую могли надеяться по праву. Они так заботились о нем, так любили его, а парень только отстранялся от них и уходил в себя.

И тогда Рыжий бросил ему флэшку

– На, читай...

– Что это?

– Читай, чтобы ответить на свой же вопрос.

Он вставил ее в планшет, там была единственная ссылка на сайт и на ее рассказ. Невероятно, Эль не мог поверить своим глазам, и не только потому, что он мог знать, что там творится, а и потому что этот рассказ был. Он вряд ли мог оценить все его литературные достоинства, но то, как это было написано, потрясло его до глубины души, и ничего кроме боли и чувства вины не вызвало в его душе.

Этот свет оставался с тем в контакте, и уже довольно давно, бесы для них все устроили, хорошо, что пока не было обратной связи

Глава 9 Сын любимого мужчины

Не улетай, так пусто на земле
Среди угрюмых и забытых истин,
Пусть вновь поэт проснется на заре,
И песнями и откровеньем писем
Он нас опять пленит и вдохновит,
А в небесах лишь ангелы танцуют.
Не улетай, ведь мир так деловит,
Он не живет, он только существует.

Когда душа пуста и так темна,
Когда весна не радует беспечно,
Поэзия прекрасная нужна,
Она одна нам дарит чело-вечность.

Рано или поздно наступает время собирать камни. Хорошо, если оно наступает не слишком поздно.

Все началось с того, что в тот день ничего не писалось. Это само по себе было странным происшествием для Леры. Ее как раз упрекали за то, что она была слишком плодовитым автором. Ни дня без строчки и какое-то количество страниц романа, если не только что сочиняемого то выбиваемого в комп из старой рукописи – это всегда пожалуйста, тут ничего не получалось. Текст буксовал, как автомобиль за окном. И она понимала, что бесполезно пытаться сейчас его вытащить из паутины скуки, переходящей в уныние. Так не пишутся романы, о стихах и говорить нечего.

Когда погас монитор, она услышала звонок. Сначала даже подумала, что это произошло из-за того, что выключился комп, он издал такой протяжный звук. Но нет, просто к ней кто-то пришел.

Этот кто-то ее любимый программист Олег, парень бесподобный во всех отношениях. И даже не потому что он знал ее романы лучше, чем она сама, и вносил в ткань повествования столько неповторимых образов, он сам был неповторим, уникален. Общение для этих двоих было настоящим даром. В мире, где мужчина и женщина встречаются для секса на ходу, за несколько минут, чтобы бежать снова в разные стороны и даже имя партнера могут вспомнить с трудом, два эти занятые человека могли беседовать целыми вечерами, когда творчество никак не проступало, и она даже не пыталась насиловать себя. Вот и на этот раз он пришел как раз вовремя. Они отправились в старое кафе.

Кафе и на самом деле было старым. Там когда-то они обмывали университетские дипломы, а Олег ходил еще в первый или уже во второй класс в те времена, там она и встретила своего первого мужчину. И совсем как у поэта:

Все давно сожжено и рассказано,
Только первая снится любовь.

Вот и сегодня Эльдар не мог ей не присниться, потому что сидели они в том же самом кафе, и что совсем удивительно – тот столик у стены был свободен. Когда она к нему устремилась, Олег понял, что это тот самый столик.

– А не пригласить ли нам сюда этого загадочного полковника. – спросил он, – мне так хочется взглянуть на героя твоего романа. Представляешь, как здорово бы это было наконец его увидеть?

Лера вздрогнула и произнесла:

– Это невозможно, его похоронили 5 ноября, несколько дней не дожил до своего праздника.

– Прости, я был в командировке, не знал.

– Я тоже узнала позднее, брат не стал мне в тот момент говорить. Как-то заработалась, не слушала новости. Иногда вот за это я и ненавижу творчество, даже взглянуть в последний раз на единственного мужчину, которого любила всегда, я не могла. Но может это и к лучшему. Не представляю его похороны, и не хочу представлять. Пусть он останется живым и восхитительным в моей памяти.

Они замолчали, пили сладкое вино потом за то, чтобы на самом высоком небе оказался полковник, который был так похож на короля Сиама в знаменитом фильме. Правда она никогда себя не ощущала той странной учительницей, которой довелось с ним танцевать.

– Остается только фильм, – говорила Лера, – но это другой фильм, хотя когда я его посмотрела, мне показалось, что это наша история, только из другой жизни. Странно, с той поры я начала верить в то, что мы уже жили, и будем жить в этом мире после. Может быть, следующую жизнь, где-нибудь в Аргентине мы наконец проживем вместе и умрем в один день.

Олег вдруг уселся к роялю, в старом кафе зазвучала «Лунная соната».

Как же вдохновенно он играл в тот вечер. И ей даже казалось, что она здесь танцевала с королем. А ведь и на самом деле, как он танцевал, этот таинственный полковник... И как давно это было, целую вечность назад.

№№№№№№№№№№

Но домой они вернулись рано, только что началась программа «Время», Олег попрощался, видя, что Лере хочется побыть одной.

Он просто подумал, что в те времена только что пошел в школу, а она уже любила своего короля и была в его объятьях. А потом ему не было места в той части ее жизни. Теперь уже она услышала телефонный звонок:

– Здравствуйте, Лера, это Аскарков. Эльдар Аскарков..

Она отстранила трубку от уха, словно мог произойти взрыв.

– Кто вы? – едва произнесла она, словно и на самом деле лишилась дара речи.

Сегодня, звонок оттуда. А что если и на самом деле теперь уже можно выйти в контакт с тем светом? Она опустила в кресло, там что-то говорили, но не тот, кто звонил, просто ясно было, что он стоит в людном месте, может быть на пороге рая.

– Я вас слушаю.

– Мне хотелось бы встретиться, сейчас.

Сто лет прошло. Но разве не так говорил Эльдар?

– Да, конечно, – произнесла она и нажала на кнопку – разговор окончен.

Кто так мог над ней издеваться? В каком времени и пространстве она находится? Как бы она была счастлива, если бы это было реальностью.

Как странно все это было сознавать. Она была уверена в том, что пройдет какое-то время 5—10 минут, и раздастся звонок в дверь. Эл никогда не говорил о том, чего не будет. Он всегда был предельно точен, если сказал, что придет, то можно в том не сомневаться, его ничто не остановит. Если бы он был на этом свете. Кажется, в тот миг звонок и прозвучал.

– Не открывайте дверь незнакомцам, особенно, когда близится полночь, – подумала она, открывая дверь.

– Таким молодым я его не видела, – промелькнуло в сознании Леры, она молча пригласила парня войти.

Спрашивать, кто он такой, требовать документы не имело смысла.

– Меня тоже зовут Эльдар, – говорил он, мягко улыбувшись, словно извиняясь за что-то.

И только это тоже вырвало ее из мистики и вернуло к реальности. Все очень просто, это его младший сын, ему должно быть лет 20, может чуть больше. И хотя главное было понятно, но как откуда он все узнал, почему сегодня? Наверное, этому тоже есть объяснение, только Лера его не находила. И тогда, чтобы совсем уж все прояснить, он улыбнулся таинственно:

– Я сидел в кафе за соседним столиком. Там хорошо было слышно ваш разговор, я понял, что это вы и мой отец всю жизнь любили друг друга, а потом попросил телефон у вашего спутника, он не хотел давать, но, наверное, ему тоже известна эта история.

– Да, конечно... – растерянно произнесла она, приглашая его сесть в кресло напротив.

Все оказалось обычно для оперативника, который, вероятно, был на задании без формы, удалось выяснить попутно что-то из того, что не касалось его работы. И вот они уже сидят здесь, рядом.

– Я не верю в случайности, – говорила Лера, – наверное, так должен был сложиться пасьянс, чтобы все это случилось.

– Но это было целую вечность назад, тогда еще он не был женат, – словно бы оправдываясь, говорила она, – это произошло позднее.

– Почему вы оправдываетесь? ведь все, что было – удивительно. Мне казалось, когда я смотрел на отца, что все мы его недостаточно любили. Он сам этого не замечал, у него ведь кроме работы ничего не было. Он и сгорел на ней, до пятидесяти не дожив, но когда вы начали говорить о нем, я был так потрясен....

Теперь эти двое сидели молча.

Лера чувствовала, что между мистикой, с которой она связывала все последние события, и реальностью всегда есть какое – то расстояние.

Все, что происходило с ней и Эльдаром даже после его ухода, можно объяснить как-то с точки зрения реальности. Но когда это происходит, то открываются еще какие-то удивительные грани, которые ей снова кажутся необъяснимыми. Как и то, что она снова вернулась в юность и перед ней сидит тот, кто сгорел от страсти, и заставил ее парить не только в минуты их сумасшедшей близости, но и потом, почти всю оставшуюся жизнь.

Парень смущенно простился и исчез, словно его и не было. Только после этого она вспомнила, что не предложила ему даже чашку кофе. Хотя может и хорошо, что не предложила. Все, что было до сих пор красиво и волнующе, а то, что могло стать продолжением – ужасно. Нет, нет, и нет.

Дед всегда ее хвалил за то, что она может остановиться вовремя.

Она медленно подошла к старинному зеркалу, взглянула на взрослую женщину на той стороне стекла, и решила, что она может остановиться вовремя.

Но там отражалась любимая картина «Разбитые мечты». Клоун в красном с полу потушенным фонарем тяжело опустился в проем стены, кажется, он никогда не сдвинется с места. Гениальный художник отразил и ее душу тоже. Она сразу поняла, как только взглянула на картину, что моделью для живописца была ее собственная душа.

И вдруг ей показалось, что шут на миг снял маску и улыбнулся.

Что это?

Глава 10 В объятиях прошлого

Лера знала, что тот осенний вечер она не забудет никогда.

В обычной суматохе прошло несколько дней, она написала главу о встрече со взрослым сыном своего любимого мужчины, когда Эльдар снова появился на пороге с желтыми розами и шампанским.

– Не прогоните, я читал рассказ, мне хотелось бы побыть немного с вами, думаю, отец был бы рад.

Что она могла сказать после этих слов?

Золотистые листья кружились за распахнутым окном. Шампанское странно кружило голову. Она видела Эльдара, молодого и великолепного. Ей тогда казалось, что таких не бывает, вот и теперь, она переживала те же чувства, таких мужчин не может быть в реальности. Ее только на миг покажут ей и снова заберут навсегда. Но ведь когда ты хоть одно мгновение был рядом с ним, другого уже и не нужно.

Тот же блеск в совершенно темных глазах, которые не улыбались, даже когда он сам улыбался. Об этом она и сказала сыну.

– Я не помню, как он улыбался, голос помню, глаза, губы, но не улыбку, как странно.

Парень улыбнулся, у него была великолепная улыбка.

– Говорят, мы с ним похожи, как две капли воды, бабушка твердит, когда прихожу к ней, что она видит не меня, а его, и с ним говорит, вспоминает детство в деревне. Я там почти никогда не был. Это странно, пережить детство собственного отца, но иногда мне кажется, что я там был.

Звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих, на пороге стояла незнакомая женщина. Хотя Лера точно знала, кто она такая.

Они молча смотрели друг на друга. А когда за ее спиной появился Эльдар, Гульнара просто передернулась.

– Мама, почему ты здесь? – спросил парень.

– Я тебя хочу спросить, почему ты здесь? Ты все-таки разыскал ее? Как я этого боялась.

Снова мистика или реальность.

Но нет, конечно. Он приехал на машине, и мать увидела его машину, когда возвращалась домой. Но как она могла понять, у кого в огромном доме он находится? Вот в чем вопрос.

– Мне хотелось верить, что ты пошел в любую другую квартиру в этом проклятом доме, – в ярости говорила она, – но я убедилась в обратном.

Он попытался оттеснить ее в коридор и увести, но она не уходила, и Лера остановила его.

– Не надо, Эльдар, проходите, – глухо произнесла она.

Женщина стояла в прихожей, плотнее прижимаясь к стене спиной, и странно смотрела на нее. Не в силах этого выдержать, парень взял сигареты и вышел на лестничную площадку.

– Ты увела моего мужа, он никогда не был моим, хотя я родила ему трех сыновей, ты и сына моего забрать хочешь.

Она не спрашивала, она была уверена в том, что это так и есть.

И столько гнева и боли было в ее глазах, что же ей на это ответить. Отрицать все – глупо, она не поверит, подтвердить, не правда. Да и зачем причинять еще большую боль этой красивой женщине. Все эти годы она была его женой, хорошей женой, и подарила трех сыновей...

Но могла ли подумать Лера когда-то о том, что ей будет судьбой уготовлено два таких свидания? Хотя ей, вероятно, надо пережить и это.

– Я просто любила его всю жизнь и люблю, – только и смогла сказать она и резко отвернулась.

А что тут еще такого придумать, почему она должна оправдываться.

– А сыну вашему ничего не грозит. Хотя мне приятно его видеть, но не больше того.

– Тебе приятно его видеть, а о мальчике ты подумала, он всегда во всем хотел быть похожим на своего отца. Он все время упрекал меня за то, что я любила его недостаточно, но как я могла его любить, если мне там просто не было места.

На пороге стоял Эльдар:

– Мама, нам уже пора, эта женщина ни в чем не виновата.

– Она виновата во всем, – очень тихо произнесла Гульнара.

Вероятно, и мать и сын оба были по-своему правы, или правда где-то посередине между двумя их утверждениями? Она поднялась и все-таки бросила в ответ:

– Он погиб из-за тебя, и я пришла, чтобы сказать тебе это. Но я не отдам тебе сына, и не надейся.

– Мама, меня никто никуда не собирается забирать, с чего ты взяла, – тихо говорил он, когда они спускались по лестнице вниз.

Дверь гулко хлопнула. Лера закрыла глаза.

Дивная музыка звучала где-то рядом. Английская учительница, оказавшись в чужом мире, танцевала свой прощальный танец с королем Сиама, мальчик смотрел на них, и ему хотелось быть на месте отца. Он знал, что пройдет много лет, и они встретятся в старом кафе, и он пригласит ее на танец, который видел в детстве, а может только во сне.

NoNoNoNoNoNo

И снова старое кафе, только на этот раз столик был заказан заранее.

Лера согласилась туда прийти, как она могла ему отказать?

Олег сидел за роялем, музыканты уже считали его своим коллегой и охотно уступали инструмент..

Юноша пригласил ее на вальс. Как же он классно танцевал. Да, конечно, ему во всем хотелось быть похожим на отца.

– На той поляне была перевернутая лодка, мужчина и женщина, сгоравшие от страсти и такой солнечный день, – шепнул он, склонившись к ней.– А с неба в воду упала птица, совсем рядом, сорока, она была ранена, и ее пришлось забрать с собой.

– Откуда тебе это известно?

– Не знаю, сегодня мне снился сон.

Музыка окутывала их туманом.

Они не видели женщину, нерешительно застывшую в дверях старого кафе. Она была здесь, а где ей еще было быть в такой момент?

Разбуди меня на рассвете,
Я запуталась в мире снов,
Пусть подхватит холодный ветер
Этот мир так легок и нов.
Только в мороке старых истин,
Все душа томилась, ждала.
Не хватило мне слов и писем,
Я тобой так долго жила.

И зачем пространство пустое,
И деревьев голых возня,
Это осень стала весной,
А весна не мила для меня,
Сны печальный, порой ужасны.

Только знаю, что это сны,
Разбуди меня, будет праздник,
Нашей встречи, любви весны.

Почему-то пустое место
Не заполнить тобой опять,
Горько плачет твоя невеста,
Ей женой хочется стать.
Я ее теперь понимаю,
Как тогда не могла понять,
Гулкий голос: – Я улетаю,
Проводи же в небо меня..

Глава 11 Послевкусие

Эльдар прочитал и готов был застонать, но с трудом сдержался. Не может быть, этого не может быть – он не верил своим глазам. Он так упорно старался все скрыть, а что получается – весь мир знает эту историю, в Омске ее наверняка читали многие, и многие узнали главных героев. Паника в его душе нарастала, он почувствовал себя перед судом, все таким же обнаженным, как совсем недавно там, только здесь было слишком многолюдно. И судили его все кому не лень, потому что она об этом рассказала. Так вот почему его сын так поступил, иллюзии рассеивались. Это не случайность, Лиза ему отомстила, хотя, вероятно, рассказ она написала после их встречи. Но возможно и обратное, так она накаркала эту самую встречу. Но почему накаркала, она решила, что мир должен узнать о том, что было тогда. И сюжет для рассказа – лучше не придумайшь. Только парень уже взрослый, он сам делал свой выбор. Возможно, и с девицей этой он еще раньше познакомился. Даже в детстве воспитывать Армана он не мог, отговариваясь, что нет времени, служба дни и ночи, а не самом деле чувствовал какой у него характер, и не хотел проигрывать в поединке с сыном. А что говорить о том, что случилось теперь, когда он повзрослел незаметно, но случилось это не вчера. Да и было ли у него детство при живом отце? На этот вопрос Эль не мог ответить однозначно.

Но ведь он любил Лизу, а если эта красавица – вызов ему и он ее совсем не любит? Хотя разве такую можно не любить. Он просто похож на своего отца, и не надо придумывать то, чего нет на самом деле. Не надо себя накручивать, тем более, поздно что-то исправлять. Да и кто сказал, что он может что-то исправить? А кто утверждает, что его сын не прав?

Вроде бы все говорило об обратном, наверное, его впечатлила та история, но даже ради этого он не должен был так поступать. Он не должен был ломать свою жизнь. Хотя почему это он ее сломал интересно, и уж если говорить о том, кто все сломал и даже домой возвращаться не хотел, хотя тогда ему казалось, что он все делает правильно, глупец, осел, идиот. Можно было жить совсем по-другому.

Эль впервые пожалел о том, что и дара речи, обычной человеческой речи он тоже был лишен, иначе бы спросил у нее, как она смела так поступить с его сыном и с памятью о нем. Почему она считает, что может распоряжаться чужими судьбами.

Но она может спросить его о том же самом, как он мог так поступить с ними, почему не боролся до конца и проиграл, с самого начала проиграл, когда пошел на поводу у обстоятельств и веских причин против их союза. Неужели служба и звезды были дороже, и вот что он получил – раннюю смерть в середине жизни, несчастных сыновей, жену, которая никогда не ведала, каким он может быть, когда влюблен, когда любит кого-то. Нельзя же всех делать несчастными, и главное, ради чего все это творится?

На какой-то миг Призрак возненавидел Лизу, и одновременно понял, почему его сюда выбросили. Наверное, ангелам хочется посмотреть со своей высоты, как он к этому отнесется, что предпримет, хотя они и понимают прекрасно, что ничего он не может предпринять, он полностью бессилен перед ними и перед Лизой. Немой свидетель, не более того.

Вот если бы тем, кто еще жив и кто своих косяков натворил, можно было рассказать об этом заранее. Только не этим ли Лиза и занимается? Тогда почему он так возмущен до глубины души? Разве он не знал, что за предательство будет отмщение, думал в другой рай убежать, но и Лиза оказалась рядом с ним. Она все решила взять в свои руки. Так как он тогда распорядился ее судьбой, теперь настал ее час, и он может только прыгать, как уж на сковороде, и ничего у него не получится, никогда и ничего. Убегая из этого мира так поспешно, он сжег все мосты, и думать о том надо было раньше. Гнев быстро проходил, здравый смысл одерживал над ним верх. Он начал рассуждать здраво.

Впрочем, она наверняка посчитала его предателем, а с предателями именно так и поступают. Да и что она такого сделала, написала рассказ, повесть, роман, что она там написала. Арман, всегда следивший за тем, как и что происходило, рассказ разыскал, а потом разыскал и саму Лизу, он склонен был верить в то, что так все и было, как она написала. Если вообще было, она могла все это придумать. Вовсе не всегда книжки пишутся о том, что было на самом деле. Хотя Эль в том не разбирался, но понимал, что писатели все свои детективы выдумали. Если бы они записывали то, что было, то читать это было бы совсем не интересно. А нужна была интрига, какие-то повороты, острота сюжета. И опять же, а что она придумала, так все тогда и было, он вспомнил все до мельчайших подробностей. Ну разве что свидание с его сыном, а ведь возможно они не встречались. Только как это выяснить. Элю теперь хотелось это знать точно, раз уж он снова оказался тут, то надо это выяснить. Когда он вернется на небеса, то сделать это будет значительно сложнее.

– Да не кипятись ты, встречались, и угадай с трех раз, кто все это организовал, – услышал он голос Рыжего, который и слыл главным искусителем, это вам не ленивый русский бес, часами лежащий на диване и не знающий, куда ему податься. Вот потому и обламывается везде, и фамилия у него именно такая – Обломов.

– Зачем ты это сделал? – прохрипел Эль, – голос его стал значительно ниже, и эротичнее, чем прежде.

– Да просто так, – спокойно отвечал тот, – мне хотелось, чтобы она написала рассказ, пронзительный рассказ о том, что было и не было. Тебе некогда было книжки читать, а один японец писал, что художник поджег карету, в которой ехала его дочь, чтобы картина получилась классной, чтобы увидеть, как гибнет человек в огне по-настоящему.

– И что? – спросил Эль, предчувствую недоброе.

– Сгорела девица, он не успел ее спасти, потому что фотографировал все, что творилось, запоминал. А когда опомнился, то было уже поздно, она обратилась в пепел, и рассказывал он это так, точно была какая-то веселая история.

– Безумие какое-то.

– Сила искусства, а я-то всего же лишь подтолкнул парня в то кафе, где проводила вечер она, и сказал о вас пару слов, а ты вопишь, как будто пожар случился и все в нем погинуло, успокойся, ты же настоящий полковник, а не художник какой-нибудь, вот и веди себя достойно. Всю жизнь без эмоций прожил, а тут прямо расчувствовался.

№№№№№№№№

Эль почувствовал, как сотрясается все у него внутри. Это были вовсе не бабочки от предвкушения встречи с любимой, не сладострастная истома, как называла такое состояние Лиза, это нарастала ярость, и он никак не мог ее побороть. Странно, а при жизни он всегда умел властвовать собой, Рыжий прав, может просто ее слишком много скопилось?

И какой черт только его сюда послал, вот сидел бы там, среди девиц и радовался всему, что там было. Вино самое лучшее пил, смотрел на них и решал, с какой ему провести ночь. А ведь выбор-то безграничен.

Хотя про ночь, он, конечно, погорячился, от той ночи ни ему, ни девицам не будет ни тепло ни холодно. Самого главного, что творится ночью, у них быть просто не могло, они могли сидеть рядом и вспоминать о том, как это происходило на земле. И почему-то находясь рядом с восточной красавицей он все время думал о Лизе, мысленно ласкал ее обнаженное тело, и погружался в нее, и ночь напролет хотел только одного – соединиться с ней и не разжимать объятий. Он смел надеяться на то, что и ей хочется именно этого, иначе бы она нашла предлог сбежать от него, скрыться, она не стала бы терпеть всего этого, если бы не любила.

Но в глубине души Эль понимал, что все это – еще одна встреча на земле – было нужно не только ей, еще кому-то, но и ему тоже. Ведь когда она окажется на этом свете, они могут про-

сто не встретиться, потому что будут обитать в разных мирах. Значит, это вероятно, последняя возможность повидаться, побыть рядом, провести какое-то время вместе. Вот если бы еще хотя бы одна ночка страсти. Он готов был на все ради такой ночи, но понимал, что этого не будет. Он просил слишком многого... Ведь у других влюбленных не было и этого. Но какой же чудовищный обман, им обещают там все райские радости, и при этом безжалостно лишают одной- единственной, но самой важной, так что все остальное становится не важным.

Только стремясь туда в покой, пока этого не осознаешь. Разочарование должно наступить позднее. И тогда лучше получить в награду бокал вина, которое и подарит забвение, иначе случатся печали без конца.

Глава 12 Причуды творчества

Можем ли мы управлять творческими порывами? Елизавета хотела запечатлеть то, что она только что переживала, встречу с призраком на Набережной любимого города, новое свидание с тем, с кем невозможно встретиться, сколько не проси о том Николая Чудотворца, и только когда надежд больше не остается, вдруг все и случается внезапно.

Но она начала писать совсем о другом. Да, о призраке, да о человеке, когда-то в позапрошлом веке связанном с ее городом, но это был даже не Достоевский и не ее любимый Адмирал, о которых она писала во всех своих городских романах, так или иначе они появлялись там, и играли вовсе не эпизодическую роль.

Но на этот раз возник художник, гениальный, любимый художник, родившийся здесь, и скорее не призрак, а памятник ему на том самом Любинском все время возникал перед глазами, но никогда прежде она о нем не писала, собиралась написать, но не писала, так откуда он мог появиться теперь?

В этом не было никакой логики, она не чувствовала связи, она не понимала что и почему творится. И все-таки поспешно записывала строки, не в силах прерваться и остановиться. Даже если бы полыхал пожар, она бы не заметила этого, схватила диктофон и начала бы произносить строки, потому что важнее всего были эти самые мгновения, они уйдут безвозвратно, их не вернуть и не восстановить.

Она помнила такие мгновения, иногда они были связаны с тем, что переживалось, иногда никак не связаны, и только позднее их можно было расшифровать как-то.

Но на этот раз художник, потерявший голову от любви, владел ее душой, да еще в такие минуты, когда она смогла столкнуться с Призраком первой и единственной любви, что бы это значило?

Как только была поставлена точка, она перечитала написанное, даже еще не редактируя, а просто решив сделать какое-то открытие для себя, перечитала и остолбенела. Это была совсем другая история.

Царевна лебедь в черной бездне вод
Плывет куда-то в Пекло и зовет
Туда же живописца в поздний час,
И смотрит в душу, провожая нас.
За окнами унылый листопад,
И кажется все золото под ноги
Швыряет ветер целый час подряд,
Когда замрет Художник на пороге.

Он путает и время и миры,
К реальности не может он вернуться,
И так пугает этот шарм игры,
Где Демон со скалы вдруг улыбнулся,
И ищет Пан в глуши ночной цветок,
Он нынче расцветет для нас с тобою.
И только ал и призрачен восток,
Там пленники любви живут любовью.

Страсть пепелит, пугает пустота,
И где-то там, в тумане, за чертою.

Опять склонился молча у холста,
И призраки уводят за собою.
Повержен Демон, Пан нашел цветок,
И Лебедь из тумана выплывает,
Перед картиной замирает Блок,
И новую поэму сочиняет.

В наивности его и высоте
Совсем иная видится картина,
И только блики меркнут на холсте,
«И путь земной дойдя до середины»,
В лесу дремучем где-то у ручья,
Ждет не царевна нас, а Берегиня.
О, Живописец, эта даль твоя
Нас всех сегодня к пропасти откинёт.

И будет мир у роковой черты
Совсем незрим по всем его приметам,
Когда Царевна с дикой высоты
Уходит в бездну, он лишится света.
Там душно и темно в таком плену,
Туда нам всем пока не дотянуться,
И только Демон в пустоту взглянул,
И грустный Ангел молча отшатнулся.

Погряз в скандалах и тревогах мир,
В преддверье бунта завывает вьюга,
Художник глух – метель скулит над ним,
Царевна Лебедь – вечности подруга.
В тумане проплывают двойники,
И пьяный Блок бессилён, но прекрасен,
Ты только нас в тот мир немой впусти,
Мы эту бездну видим не напрасно...

На Невском тьма, как в озере лесном,
И никого не будет рядом с нами,
На полотне, в реальности иной
К былому возвращаясь временами.
И где-то там, а где? И иной глуши,
Художника забытая картина.
Ты эту боль и вечность напиши,
Но пусть Царевна Лебедь нас покинет...

Пусть мечется безумная душа,
Уйдя от нас и возвращаясь снова,
Мы слушаем симфонию, дыша
И не вдыхая запаха чужого.
За миг, за час до вечности и сна,
Нам живописец снова помогает

Понять, что это вечная весна
В тот листопад стихии утекает.

А в преломленье страсти есть любовь,
Когда во тьме прорвется лучик света,
Царевна Лебедь навсегда с тобой,
И узнаю тот мир по всем приметам,
В безумии есть мудрости мираж,
А в мудрости безумие таится,
И наша жизнь, не дар, а лишь шантаж,
Когда она в иное воплотится.

Там каменных цветов несу букет,
Туда, на площадь, где с Музеем Драма
Переплелись на много – много лет,
И где художник нас ведет упрямо
По Любинскому в полночь и весну,
Когда здесь листопад давно бушует,
Царевна Лебедь приплывает к нему,
Хотя в тиши он Демона рисует.

Повержен или брошен в облака,
Мятежный дух летит навстречу к люду,
И Врубеля волшебная рука
Мой дивный град изобразит, и чуду
Преображенья, света и тепла
Нам не постичь, и где-то там, в тумане,
Его Царевна в пропасть увела,
Его легенда о любви обманет...

Мир живописен и порой жесток,
Но написать его, являя свету,
О, листопад, и призрачный листок,
В его Сирени, и по всем приметам
Мы будем долго видеть этот миг,
И каменных цветов мираж и чудо,
Я нерадивый, вздорный ученик,
Явленье чуда больше не забуду.

Это была совсем другая история. Однажды, за два года до окончания века она написала стихотворение о Саломеи, получившей голову Иоана Крестителя по требованию царя Ирода. Вот тогда беды и начались. Наверное, не от того, что она написала это стихотворение, наоборот, оно было знаком, поводом для того, чтобы встретить их мужественно. Она узнала о смертельной болезни профессора, и там тоже была голова – опухоль головного мозга, со всеми адскими муками и страданиями.

Все эти истории из романа века с отрыванием головы у тех, кто того заслужил стали еще одним знаком, и вот теперь гений, лишенный рассудка, и изображавший птицу из мира мертвых, которая должна была его туда увести. Не предупреждение ли это о том, что ей не стоит играть с призраками, что это просто опасно. Отстраниться, уйти, не смей приближаться.

Но вряд ли знак судьбы так прост, ведь есть еще что-то, должно быть еще что-то, если провидение продиктовало ей такую поэму.

Странно, болезненно и удивительно было то, что происходило, кто-то хотел ее о чем-то предупредить? Она даже догадывалась кто именно, знавший о том, что Эльдар отправляется к ней, чтобы увести ее с собой. Сюжет появления призрака всегда был одинаков во все времена, прекрасная царевна или король Сиама приходит для того, чтобы забрать с собой. Но готова ли она к этому, может ли она уйти так быстро, так поспешно, вот об этом она и не задумываясь бы дала ответ. И значит она должна бороться, она должна не бросаться в объятия, а противостоять. У нее просто нет другого выхода.

И сразу появилось желание написать о художнике, о том, как он не смог противостоять Мертвой Царевне, на этот раз пришедшей за ним. У него оставались надписанные полотна, и тогда она просто свела его с ума, решив, что так легче будет с ним бороться, а может быть, просто возмущившись тому, что он не поддается ее чарам.

С ней была та же самая история, и она даже догадывалась, что продиктовал ей поэму профессор. Значит, он ее простил, он больше не сердится и не причинит ей вреда?

Она не могла знать этого наверняка, но о Врубеле, Блоке, о сказках и мифах они говорили с ним на протяжении пяти лет ее обучения в университете. И он теперь наконец решил вмешаться. Может быть потому, что еще не было романа о нем? Она должна была написать его самым первым, но даже не приступала пока, а это не могло его не обижать.

– Я не уйду, пока не опубликую роман, -говорила Елена Сергеевна.

– Я не уйду, пока не напишу роман, – пообещала Елизавета, и надеялась, что он слышит все, что она пыталась ему сказать

Глава 13 Между прошлым и будущим

О, Матушка метелица, согрей его в ненастье
И пусть дорожка стелется туда, где ждет нас счастье.
Там все пути завьюжила, и там никто не встретится,
Ты знаешь, как он нужен мне, о Матушка метелицы.

Эль уже полчаса находился в той самой комнате, куда Лиза привела его когда-то. Там почти ничего не изменилось, только книг стало значительно больше, и компьютер появился новый, вернее, тогда вообще никакого не было. Он появился позднее. Ну и сама Лиза стала немного старше. Теперь, когда она была в домашних брюках и футболке, это было видно значительно лучше, но эти перемены ничего не меняли. Он почувствовал ту же дрожь, которая появилась во всем теле, как в первый день их встречи, когда он шагнул в приемную и на месте толстой тетки увидел юную девушку. Никто не предупреждал его о таких переменах, да и работала она в соседнем отделении. Потому свидание их оказалось полной неожиданностью, и как же она была приятна.

Только молчал он теперь пуце прежнего, хотя и тогда был не особо разговорчив, к своему изумлению Эль понял, что он начал заикаться, это что-то новое. Уж разговаривать с девицами он умел, взгляды, жесты, тайные знаки, все это подчиняло их себе в тот же миг. Науку страсти нежной он еще в молодости знал прекрасно, и это помогало ему добиваться своего не только в обольщении, но и в достижении иных вершин. Женщины вели его по жизни. Только Лиза была совсем другой

Заикание быстро прошло, но теперь он снова это переживал, то самое заикание, правда связано оно было и с волнением, и с невозможностью произносить какие-то слова, и вообще говорить. Призраки не умеют, не могут говорить. Разве не видел он всех фильмов. И должен был сказать, что сценаристы и режиссёры были на правильном пути, хотя откуда они могли это знать, еще не побывав там? Наверное, просто угадали все, творческие люди – это их хлеб.

Он ощутил свое сердцебиение, но как могло биться сердце, которого не было? Наверное, это генная память заставляла испытывать, и вспоминать прежние состояния и чувства.

Собака, ее забавная собака, шкура на которой едва держалась и могла свалиться при неловком движении, уставилась на него так, словно она его видела. А может быть и видела, как знать. Неожиданно зашипел кот, выглядывая из-за собачьей спины. Но откуда он взялся? Лиза, его Лиза не любила котов, и он это всегда знал. Когда хотел подарить ей рыжего котенка, она сказала, что любит только собак. За это время что-то переменялось. Кот был полосатый, наглый и уверенный в себе. Собака и Лиза, вероятно, ему верно служили.

Вся дружная компания в сборе. Как можно было подействовать на возбужденных животных, Эль понять не мог. С ними у него были сложные отношения, не то, чтобы их не любил, он был к ним равнодушен. И все эти кошки собаки на него поглядывали, и понять не могли, как им следует себя вести, но это было еще при жизни. Упав с небес, он точно не ведал, как с ними управляться. Оглянулся по сторонам, Рыжего нигде не было, а ведь тот знал все и обо всех, мог бы что-то посоветовать. Вот так всегда, когда он нужен, куда-то пропадает, а потом появляется внезапно, но когда надобность в нем отпадает.

Рыжий пришел на помощь, он нажал на какие-то кнопки, на мониторе появился рассказ «Сын любимого мужчины», и тот подтолкнул его к монитору. Врубил он его скорее для Лизы, потому что Эль все видел своими глазами успел его прочитать раньше.

№№№№№№№№№№

Лиза тоже взглянула на экран, вздрогнула. Не слишком ли много совпадений за этот день? И почему все вертится вокруг Эля. Он мертв, его давно похоронили, его больше нет, и никогда не будет, и с этим давно надо смириться. Она не надеялась даже пересечься с ним из-за того, что там женщин и на кладбище не пускали. И за эти годы она смирилась, или почти смирилась, и вдруг все снова, словно вулкан, долго дремавший, пробудился опять, и готов был действовать

И в тот самый миг она увидела его, склонившегося к ее голове и читавшего то, что было на мониторе. Сначала она хотела свернуть страницу, но не смогла пошевелиться, словно ее парализовало. Ну откуда такое могло быть? Она не может его видеть. Он не может вернуться, ведь это был не человек, а призрак. Так вот почему выл Макс, и было так неуютно в ее доме в этот час? Все вставало на свои места, запутываясь еще больше.

Она не понимала этого. Никак не понимала. Чертовщина какая-то творилась в доме, и пес ей о том говорил глазами, воем, подчеркивая, что творится что-то странное, невероятное, жаль, что он не может выразить это словами. Наверное, именно так люди сходят с ума. И она бы поверила в это, если бы животные не вели себя так беспокойно.

Когда она писала рассказ, то была уверена, что он никогда не прочтет этого повествования. Эль, и когда был жив, книжками и ее творениями не сильно интересовался, а теперь это просто невозможно. Она, конечно, мечтала о том, чтобы по скайпу, а лучше в контакте можно было связаться с тем светом, упрямый, уговорить его появиться. И тогда они могли бы поговорить обо всем на свете. Но она вряд ли решилась бы ему рассказать о том, что написала повесть, рассказала, что было когда-то с ними, в незапамятные времена. Но оказывается, все не так просто, если он стоит и читает то, что было написано.

Сколько не всматривалась Лиза, она больше не видела Эля, это было только одно мгновение, краткий миг. Не более того, и все – же в этом было что-то странное и невероятное. И если бы это продолжалось, она могла бы сойти с ума, броситься к окну, прыгнуть за ним, совершить еще какой-то невероятный и безрассудный поступок. Не потому ли он был вне поля ее зрения теперь? Хотя спасал ли он ее, защищал ли, в том она не была уверена. Ну не таким он был человеком, и даже любимые женщины вряд ли толкнули бы его на такие подвиги.

Глава 14 Тайное свидание

Макс пристально за ней следил, кажется, он все это почувствовал, и ему совсем не хотелось оставаться сиротой и становиться бродячим псом без кола и без двора, и лавное без хорошего куска курицы на обед и пары сосисок на ужин. Но в такие минуты высшего восторга и отчаяния разве они думают о своих животных? Какой-то призрак ей дороже и верного пса и противного кота, подумала бы хоть о безродном бродяге, он-то точно в подвале снова окажется. И кот должен беспокоиться еще сильнее, но кажется, он испугался и все переложил на плечи Макса.

Но Лиза о них не думала, она уже писала стихотворение на белом листе бумаги, чего не делала давно, все время вбивала его сразу в комп.

Мертвый ангел на белом поле
Коченеет от снежных вьюг,
Я люблюсь им поневоле,
В нем тебя я узнала вдруг.
А ведь Демоном ты казался,
И пугал, и манил во тьму,
Только в снежной пурге остался,
И замерз в эту ночь, к чему

Мне приснился последний танец,
Миг до встречи, до смерти – час,
Я просила тебя: – Останься.
– Этот мир проживет без нас.
Осень снова с зимой сольется,
И останется в небесах
Лишь Метелица, и смеется,
И зовет во тьму поплясать.

Я над ним в тишине склонилась,
Я хотела его понять,
На запястье звезда искрилась,
Не нашел он в снегах меня.
Кай от Герды сбежал в метели,
А она все рвалась спасать.
Мне хотелось девчонке верить,
Я решила тебя отдать...

Не слагается слово: «Вечность»
За провалом опять провал.
Что любовь, судьба, человечность,
Мертвый ангел в снегах лежал.
Оживить его я пыталась,
А она лишь металась зло,
И в снегах навсегда осталось
Переломанное крыло...

NoNoNoNoNoNo

Но больше ни о чем она подумать не успела

В тот самый миг и раздался звонок Сотового. Он вернул их всех к реальности. Лиза схватилась за телефон, как за спасательный круг. Хватит раздумий и гипноза, надо возвращаться к жизни, пока она у нее еще есть, надо жить и радоваться.

И Эль услышал голос все того же мужика. Николая, его кажется, так звали. Словно бы они встречались сто лет назад. Хотя, скорее всего, так и было, именно тогда они и встречались, сто лет назад, в другой жизни. На первую встречу это совсем не было похоже. Говорят, что влюбленные встречаются все время, и возвращаются к жизни, чтобы разыскать друг друга и снова встретиться.

– Добрый день Елизавета, это снова я. Все-таки бог есть на свете. Ничего не отменяется, я купил билет на завтра, а сегодня мы идем в Малибу, надеюсь, ты не откажешься от свидания?

– С тобой хоть на край света, – сама не веря своим ушам, заявила Лиза.

В любой другой день и в другой обстановке, она нашла бы тысячу поводов для того, чтобы отказаться. И ей не надо было особо лгать, самых срочных дел у нее было больше, чем надо и сегодня. Но отказываться она не собиралась, только не на этот раз. И потом, кто и когда еще поведет ее в Малибу, в этой жизни? Такого похода и не предвиделось больше.

Она обрадовалась, и даже не могла скрыть этого. Хотя истинную причину ее радости Коля знать не мог, но разве это главное. Она отправится в Малибу, да куда угодно, к черту на кулички, только бы этот вечер не сидеть в доме, где был Эльдар, черт бы его побрал. Куда угодно с первым встречным, кто бы мог подумать, что она на такое способна.

Он еще что-то говорил о том, что это будет самый лучший вечер в его жизни, и прочее, прочее.

– Я почти готова, остается совсем немного, – радостно заявила она и запорхала по комнатам, доставая то одни, то другие наряды, причесываясь и напевая какую-то песенку про себя.

Призрак стоял в стороне, и, опустив руки, молча смотрел на эти сборы.

Если бы кто-то сказал, что будет так, когда он снова вернется к любимой с того света, но он послал бы этого пророка-идиота подальше. Но кажется идиотом на этот раз был он сам. Да разве не говорили все время, что те, кто живы, в лучшем случае настороженно относятся к ушедшим, а в худшем -враждебно. Они опасаются, да что там, просто бояться тех, кто вот так соизволил явиться.

При этом Лиза напевала какую-то песенку, не сразу сообразив, что стишок сочиняет она сама, и что он пропадет и никогда не будет записан. Так погибали, может быть, самые лучшие ее творения. Но может быть, так и должно быть, миру то, что обычно, себе оставляем лучшее, в единственном экземпляре.

Дождь за окном, он без конца и края,
Печали плен и радости экстаз.
И старый черт моей судьбой играет,
Не бес, сатир из древних, все у нас
Как будто бы не плохо, но потоки
Воды с небес заставили стонать.
– Да успокойся, наши дни не плохи,
И флейта зазвучит его опять.

Пусть лучше он, нет ангелов в помине,
Они-то открестились до поры,
Хранить устали, вот мы и отныне

В объятиях дождя, в плену игры.
Сатир хитер, то в поддавки играет,
То все всерьез, опомниться ль смогу,
Вдруг саксофон, он нас теперь встречает,
Но где-то там, на дальнем берегу...

Туда уйти не время, слишком рано.
О Михаиле допишу роман,
И вот тогда, дождь барабанит, странно,
Что все не то, не так, сплошной обман.
Печаль терзает душу, и в надежде
На то, что мир изменится с утра,
Мы страстно спорим у камина прежде,
Чем объявить, что кончена игра...

Глава 15 Портрет Царевны

Художник писал портрет, забыв о времени и обо всем на свете, он не чувствовал голода, хотя не помнил, когда обедал и ужинал. Но прием пищи мог спутать все карты, и выбросить его из той волны вдохновения, на которой он теперь оставался, потому он не думал об обеде или ужине и даже не ведал, какое было время суток. Он не хотел отрываться от работы, потому что так легко было потерять тот настрой, то вдохновение, которое он ощущал кожей.

Бесшумно прошла и печально улыбнулась Забела, она давно привыкла к тому, что тревожить покой мужа бесполезно, он станет только агрессивнее, и будет все делать из вредности – ничего ей этим не добиться. Нет, она узнала во всей красе, что такое жизнь с гением, а то, что он был гением, в том не было никакого сомнения, и она обречена оставаться с ним рядом, ведь столько пережито вместе.

Белое-серые краски на этом полотне в избытке, он снова и снова обозначал поворот головы, так, чтобы она двигалась вперед, но смотрела на зрителей. Эти печальные, бездонные глаза, в которых так легко утонуть любому, а уж влюбленному Мастеру тем более.

Женщина – птица из старой сказки, обитала на острове Буяне, там она и встретила Велеса-Гвидона и стала его женой. Но эти подробности из сказок Пушкина знали не многие, еще меньшее количество людей ведали о том, что возвращалась она в мир живых, чтобы кого-то увести с собой туда, в тот мир, она посланница бога тьмы. Когда-то к уходящему являлась сама богиня Морена, потом эта роль была отведена Мертвой царевне.

Зачем он выпустил в свет эту птицу? А кто же знает когда и что мы начинаем творить, как вдруг захочется написать мир иной, какой персонаж будет проситься, рваться на полотно. Но Мастер чувствовал, что он должен ее изобразить, хотя бы в общих чертах, если снова нависнет болезнь, и он не сможет ее закончить, такое тоже могло быть, то останутся наброски, эскизы – это лучше, чем ничего. Тогда они поймут, что эта птица увела его с собой туда, откуда нет возврата.

Но время шло, он все отчетливее видел свою белую птицу на полотне, работал над картиной все неистовее, и теперь уже молил всех святых, чтобы они позволили ему дописать может быть главную картину в его жизни. Демон, конечно, Демон, он останется в веках, но у него была своя тайна, своя любовь, своя печаль – Царевна Лебедь.

Художник должен оставить тайну, загадку, которую будут разгадывать веками, но так и не смогут разгадать.

Глаза, конечно, главное там ее глаза, глубокие и печальные, способные заколдовать, обморочить, увести любого, а уж сам он не смог бы оторвать от нее взора. И когда силы таяли совсем, он резко отходил, бросая кисти, и уходил в другую комнату, не оглядываясь. Если бы он оглянулся, то там и оставался бы стоять, глядя на нее, и тонул бы в ее глазах.

№№№№№№№№

Мастер вспомнил миф о греческом скульпторе, спрашивал себя, захотел бы он оживить свое прекрасное творение? Нет, нельзя оживить мертвую царевну, это не женщина, это богиня, и у него ничего не получится. Да и не надо оживлять, потому что у него есть Забела, она рядом, она верно ему служит, а птица пусть остается в мире мертвых, и только иногда тут появляется. Он должен предупредить этот мир о ее явлении. Спасти он, конечно, не сможет, но надо предупредить обязательно.

Художник опустил в кресло, и почувствовал, что он больше не сможет зайти в мастерскую, как же тяжело было жить после каждой картины, но тут он просто обессилил, словно бы душа покинула тело, от нее ничего больше не осталось в этом мире, да и могло ли остаться?

И в тот самый момент человек среднего роста, худощавый и бледный появился перед ним. Костюм его, выражение лица – все было каким-то странным, словно пришел он из совсем другого мира, чужого, неведомого. Пришел и остановился тут.

– Мне всегда хотелось взглянуть на эту картину живьем, все репродукции не передают того, что есть здесь на полотне.

Он смотрел долго и упорно, то приближаясь к полотну, то отходя на приличное расстояние. Мастер успел отдышаться и почувствовал, что вернулся в реальность, чего не скажешь о его госте. Тот все еще витал в каких-то эмпиреях, и возвращаться не собирался.

– Откуда вы? – спросил художник очень тихо, боялся, что любимая решит, что он говорит сам с собой, а это было дурным знаком. Он и так все время заставлял ее волноваться и тревожиться.

– Из грядущего, я молил, чтобы меня отправили в 2018, а оказался на сто лет позади. Какая странная ирония судьбы, впрочем, со мной так было всегда, женился не на тех, кого любил, никак не мог наладить отношения с любимыми людьми, бежал к уюту от страсти, а потом страдал от того, что нет никакой страсти. Вам меня не понять. Я и сам не могу ничего разобрать, да и давно махнул на все рукою.

– В личной жизни да, у меня все иначе, как вам вероятно известно, но картины, они так не совершенны, и половины из того, что задумано я не могу написать из-за своей немоги, силы совсем оставляют меня порой, а ведь это такой труд огромный, а они требуют воплощения.

Пришелец оглянулся, заметил на стене календарь, и понял, что в запасе у гения ничего, почти ничего не осталось, но не о чем говорить он не стал. Ему, да и любому этого лучше не знать, как же можно жить, когда знаешь день своего ухода с такой невероятной точностью. Так было с ним, так было с его любимым писателем. Но это муки адские и для тебя, и для близких. Он склонен был думать, что спас любимую студентку от всего этого, и она поняла его жертву, или не поняла. Вот это ему и хотелось выяснить, когда он так жаждал вернуться туда хотя бы на несколько часов.

Они вместе вошли в мастерскую, где на них взирала из глубины веков Царевна Лебедь и влекла за собой. Пришельцу она не была страшна, потому что не могла лишиться его бесценной жизни, а увести она могла туда, где он уже обитал, и куда снова предстояло вернуться. Для него она не опасна, чего не скажешь о творце.

– Как же она прекрасна, – услышал Мастер слова профессора, но ответить ничего не успел, потому что тот исчез. Наверное, условие Мефистофеля действовали и тут, стоило только заговорить о прекрасном мире, и все пропадало, и он лишался жизни и света, и тепла.

Но исчезла усталость, любимая видела, что засыпал он с почти блаженной улыбкой. А утром, около картины он нашел листок со стихотворением, и понял, что его оставил его ночной гость. Он склонился над листом и стал шепотом читать.

Кто это написал? Там не было фамилии автора. Понятно было одно, что написано это в грядущем, о котором говорил ему накануне незнакомец, там, где его судьба и дата ухода больше не были тайной. И потому он затрепетал, пытаясь понять ту самую тайну..

Художник во мраке плетется устало домой.
И в той суеде городской все мелькают картины.
Уходит реальность куда-то, для всех он чужой.
И ангел-хранитель его обреченно покинул.

А кто остается? Копыта упрямо стучат,
В тумане скрываются лики и светлые лица.
Он видит кровавое месиво, стоны летят,
Ему остаётся исчезнуть, пропасть, раствориться.

И он бы растаял, но там остается она,
Прошедшая ад и кошмар бытия Эвридика.
Она так прекрасна и больше уже не вольна,
И глохнет душа от печали, тревоги и крика.

Сияют там звезды, а здесь распустилась сирень.
И в этой сирени он видит прекрасные лица.
И близится полночь, и в бездну отпрянула тень.
Ему остается исчезнуть, растаять, забыться.

Поверженный Демон завоет, как призрачный волк.
Холодные лица скульптур и немые портреты.
И гул экипажей растаял в тумане и смолк.
И только летучие мыши шуршат до рассвета.

В печали безбрежной за кромкой далекой земли
Художника мир от утех и страстей возвращает.
А знаешь, мой ангел, по углям мы вместе прошли,
И смотрим в туман, где один он до света блуждает..

Найдет ли свой дом иль останется в облаке снов,
Какая усталость сгибает поникшие плечи,
В провале проспектов, в громадах уснувших домов
И гуле ужасном тень Демона, скорбные речи...

Она его снова уводит куда-то в печаль,
И каждому ясно, однажды он к нам не вернется,
И только в тумане гореть этим старым свечам,
И где-то во мраке Царевна, как мертвое солнце

Глава 16 Огни Малибу

Эль наконец очнулся, резко повернулся к Рыжему. На этот раз тот оказался на месте, за левым плечом у призрака.

– Ты что-то понял, или она собирается свидание с тем странным мужиком, после того, как я тут появился. Это вообще как понимать?

– Да понял я, все понял. Собирается. Она пытается защититься от всего, что на нее свалилось, и Ники не самый худший вариант. Он хороший парень, иначе бы далеко уже был, а я ему билет на завтра подсунул, сделал так, что сегодня он не смог уехать. Так что вали все на меня, – усмехнулся еще раз он, словно извиняясь перед Элем.

Рыжий кажется, гордился тем, что ему удалось сделать. Предатель, как он мог такое провернуть?

– Ники? Ты знаешь, как его зовут. И ты для него теперь бог, слышал, он орал, что есть бог на свете, полюбовался бы еще на этого рогатого рыжего бога, идиот.

Эль усмехнулся, хотя на самом деле ему было не до смеха, на душе кошки скребли, и все противилось тому, что творилось вокруг. Совсем не о таком возвращении он мечтал. Он и представить не мог, что такое могло быть. И так проблем целый воз, а тут еще непонятно кто дорогу ему переходит. И мало того, бес ему в том помогать решил, как это вообще называется?

– И ты бы знал, если бы слушал внимательнее, – донесся до него голос Рыжего, – а какая разница, как нас с тобой называют они тут, главное – надо делать, что должно, а там будет то, что будет.

Тем временем Лиза собралась окончательно, хотя возможно и еще переоденется, но выглядела она потрясно, этого не скроешь, и в свои – то непонятно сколько лет, хотя это и не важно совсем. Женщина и в сто лет останется женщиной, это мужикам надо волноваться о том, чтобы все у них стояло, а не висело, иначе беда, тогда и проблемы будут только у них, а не у женщин.

Эль взглянул в старинное зеркало в прихожей, в котором он естественно не отразился, и успел забыть, что выглядел он как тот китаец, который короля Сиама играл. Хорошо, что не отразился, а то бы ждало его еще одно разочарование, хотя одним больше, одним меньше, мир определенно катился к пропасти, и он вместе с ним.

NoNoNoNoNo

Маршрутка остановилась около Торгового центра, и только сейчас Лиза поняла, что идти ей туда не так и близко при всей боевой раскраске.

Эль, следовавший за ней по пятам в прямом смысле, решил, что как раз хорошо, что она одна и совсем потеряла голову, так с ней проще пообщаться будет. В темных переулках призраки себя чувствую спокойнее, чем в комнате, оказавшись совсем рядом с любимыми. Но и этим планам бывшего полковника не удалось сбыться. Какой – то высокий парень поравнялся с ней и заговорил.

Они явно были знакомы:

– Хорошо, что ты появился, Олег, – говорила она, – не представляешь, я нынче в Малибу собралась.

– Не представляю, – признался он, – на вас это совсем не похоже. Но все в мире меняется, и ничего там страшного нет, вы же не одна пойдете?

Элю хотелось подтолкнуть парня в сторону, пусть даже под машину, но он сам от такого толчка отлетел, и оказался бы под той самой машиной, которая неслась на огромной скорости. Хорошо, что давить нечего было, хотя водитель почему-то резко затормозил и чуть не перевернулся, без всяких видимых причин. Он понимал, что дама на боковой дорожке никак не могла

ему помешать, а помешал черт знает кто. Потому он посылал маты не этим двоим, а куда-то в небеса, осознавая, что угроза исходит оттуда.

Они же уже прошли дальше, и на пороге ресторана Олег простился с ней, обняв и пожелав удачи. Сам он жил через пару домов от этого заведения и постоянно ходил домой по этой дорожке, но как тут могла оказаться его учительница в такой поздний час, это еще тот вопрос?

Тот самый мужик, которого они увидели днем, стоял на ступеньках и ждал наверняка именно Лизу, кого ему еще было ждать? Он был смущен немного и весел – мечты сбываются, если очень захотеть.

NoNoNoNoNoNoNo

Они помедлили немного, торопиться теперь было некуда, у них вся ночь впереди. И оба пытались представить, что это будет за ночь, но как сказал любимый герой, мы понятия не имеем о том, что с нами может случиться через час и в этот вечер. Наверное, потому жизнь и прекрасна.

– Это все твоих рук дело, – обратился Эль к спутнику.

– А чем не угодил тебе этот парень, да и негоже Лизе одной разгуливать в таких местах. Это ты, а не я должен о том позаботиться, но ты заботу не проявлял ни к кому, а горбатого могила исправит, врет поговорка, тебя и она не исправила, – отвечал спокойно тот.

Призрак промолчал, ему нечем было крыть на этот раз.

Эль почувствовал свое преимущество перед всеми остальными – заняты ли там все места, есть ли фейс контроль, а он бывал всегда, они проходили без всякой задержки. Никто не мог остановить начальника отдела милиции, тогда это была милиция, и призрака никто даже не пытался остановить, тем более что эти два добрых молодца его и не видели в упор. Даже ничего не почувствовали, мало ли призраков тут появляется постоянно, за всеми не уследишь, да и пусть себе гуляют, бояться и проверять надо живых, все убытки и неприятности происходят от них.

Впрочем, пока в зале было немногочисленно, и демоны без труда нашли тех, кого искали. Лиза и ее спутник сидели за столиком, изучали меню и о чем-то негромко разговаривали. Эль и забыл, как тут было красиво и уютно, а теперь даже поморщился немного. Он ни разу ее сюда не приводил, и теперь уже не приведет. Это возвращение на землю напоминало ему только об упущенных возможностях.

Это еще пока не любовное свидание, но и деловой встречей назвать это было очень трудно. Что-то среднее между тем и этим. Эль зевнул, вечер для него обещал быть скучным, хотя вряд ли спокойным. Он вспомнил, как они когда-то ходили совсем в другие рестораны и обязательно в отдельные кабинеты. Ему хотелось побыть только с ней, никакие общие знакомые, сколько их тогда было, им не были нужны. «Только я и ты, ты и я и мы с тобой», – пропел он низким и очень красивым голосом, так что Рыжий даже поднял бровь от удивления, он даже и подумать не мог, что у Призрака есть и слух, и голос, и с такими данными в ментовке работать? Странные люди, он мог бы стать тем самым королем, которого играл китаец, личину которого призрак теперь носил.

Но вот они уже что-то съели и выпили, и Ники взял в руки микрофон.

Глава 17 Вечер в Малибу и не только

Это было первое свидание. До этого они общались недолго в сети, потом по телефону. Ники – сторонник реальных встреч, а не миражных сочиненных образов и чувств, парень старой закалки сразу расставил приоритеты. Лиза согласна была с тем, что именно так и стоит знакомиться. Переписка в сети – это смешно и глупо, и уводит она чаще всего в неведомые дали, из которых уже не выбраться.

Но собственно она знакомиться не собиралась до того момента, пока не узнала, что Николая пишет стихи, и более того, она вскоре поняла, что это были хорошие стихи, вполне умелые, стройные и в них чувствовалась судьба, вот тогда он и прошел фейс контроль в ее душе и появилась возможность пообщаться немного. Познакомиться, пообщаться с поэтом – это совсем другое дело. Потом, когда Ники при первой встрече сказал о том, что он должен поспешно уехать, она просто решила, что это не судьба, такое бывает. Она была фаталисткой, и давно не собиралась упрячиться, должен, значит должен, о чем тут еще говорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.